

Военные
Приключения

ВСТРЕВОЖЕННЫЕ ТУТАИ

ГЕННАДИЙ АНАНЬЕВ

Военные приключения

Геннадий Ананьев

Встревоженные тугаи

«ВЕЧЕ»

2014

Ананьев Г. А.

Встревоженные тугаи / Г. А. Ананьев — «ВЕЧЕ»,
2014 — (Военные приключения)

Тревожная ситуация сложилась на одном из участков Государственной границы СССР – разведка противника настойчиво пытается проникнуть в нашу страну, стремясь во что бы то ни стало раздобыть совершенно секретные данные. Вот и приходится майору Антонову и его коллегам использовать весь свой опыт и смекалку, чтобы разгадать замысел врага. В повести «Восстание рабыни» рассказывается о том, как российским пограничникам и сотрудникам службы безопасности удалось разыскать давний канал доставки наркотиков из-за рубежа.

© Ананьев Г. А., 2014

© ВЕЧЕ, 2014

Содержание

Встревоженные тугай	5
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Геннадий Андреевич Ананьев

Встревоженные тугаи

Встревоженные тугаи

1

Майор Антонов медленно шел вдоль строя солдат, только что прибывших на заставу, и, вглядываясь в их лица, думал: «Воробушки. Совсем еще воробушки, не вставшие на крыло».

Молодые пограничники, точно угадывая его мысли, волнуясь и краснея, неестественно громко докладывали:

- Рядовой Еременко!
- Рядовой Багреддинов!
- Рядовой Кириллов!

Еременко был розовощекий, с веснушками на переносице со светлым пушком волос на верхней губе, Багреддинов – скуластый, чернобровый, Кириллов – приземистый крепыш со строгим режущим взглядом. Внешне все вроде бы разные, а приглядишься – чем-то похожи друг на друга: застенчивые, в не обтертых еще и будто с чужого плеча гимнастерках, с чрезмерно туго затянутыми поясными ремнями.

Много раз встречал начальник заставы новое пополнение. Он знал, что месяцев через пять-шесть солдаты обвыкнутся, кожа на лицах опалится зноем, продубится стужей, но тем не менее всякий раз смотрел на них с удивлением. Ему казалось, что сам он никогда не был неуклюжим новобранцем.

- Р-рядовой Р-рублев.

Солдат назвал свою фамилию не так громко, как все. Высокий, худой, он стоял ссутулившись, расслабив руки. Тонкие розовые губы скривились в усмешке, а в сизых глазах – оттенок легкой иронии.

Майор Антонов внимательно посмотрел на молодого солдата и не только потому, что держал себя Рублев расслабленно, знакомым ему показались сизые глаза, бледное, с подсинью под глазами, худое, словно испитое, лицо, тонкий нос и протяжная, с нажимом на «р-р» речь. Антонов, напрягши память, вспомнил, где встречал этого парня. Вообще-то на свою память он не жаловался.

- На гитаре играете?
- Да! – изумленно уставился на майора Рублев.
- Михаилом звать?
- Да...

Теперь Антонов окончательно убедился, что именно его, Рублева, видел весной он в Москве. Проездом он был в столице, и каждый вечер ходил в какой-нибудь театр. В тот вечер, посмотрев в Большом «Лебединое озеро» и посидев у фонтана, пошел пешком до Пушкинской площади. Полюбовавшись памятником поэту, сел в троллейбус. В поздний час его салон был почти пуст, лишь на задней площадке сгруппировались парни с девчачьими прическами и девчата, подстриженные под мальчиков, в джинсах, старательно вытравленных в хлорке и оттого похожих на вылинявшие дерюги. Они пели какую-то песенку, выкрикивая отдельные слова и

подвывая. Аккомпанировал на гитаре высокий сутулый парень, небрежно, будто нехотя, ударяя пальцами по струнам.

– Ребята! – воскликнула смазливая девушка, и песня смолкла.

– Споем, – пискнула ее подружка. – Давай, Мишель, «На нейтральной».

Рублев (а именно он играл на гитаре) ударил пятерней по струнам уже не так лениво, парни и девки, подпрыгивая ногами и покачивая бедрами, запели еще визгливей. Антонов поначалу слушал песню с интересом, но при новом куплете насторожился и нахмурился. Сочинитель, придумавший слова песни, совершенно не представлял, что такое граница.

Вспомнив ту давнюю сцену, Антонов хотел напомнить о ней Михаилу Рублеву и сказать, что теперь тот на собственном опыте по-настоящему узнает границу с ее тяжелыми и тревожными буднями, но сдержался: вряд ли сейчас поймет его солдат.

«Напомню позже, когда гимнастерка пропитается солью», – решил он и шагнул к следующему новобранцу.

Рублев недоуменно пожал плечами. О встрече с майором в троллейбусе он забыл уже на следующий день, в кутерьме новых развлечений, поэтому поразился, откуда начальнику заставы известно его имя и увлечение гитарой. Ведь он разбил ее на вокзале, когда уезжал с командой новобранцев в армию. Стукнул об угол вагона, обломки спихнул ногой на рельсы. На учебном ни разу не взял гитару в руки, хотя она имелась в Ленинской комнате.

Антонов, закончив тем временем первое знакомство с пополнением, встал перед строем. Еще раз окинув «воробушек» изучающим взглядом, негромко заговорил.

– Вы влились в дружную заставскую семью. Мы с радостью принимаем новое пополнение, будем учить вас на практике пограничной службе и солдатским наукам. Комсомольцы заставы для вашей встречи повесили над дверью плакат: «Добро пожаловать». Я приказал его снять. Не гостей мы встречаем, но хозяев. На два года застава – ваш дом. И не только сама застава, но и весь участок, который мы охраняем, теперь и на вашей боевой ответственности. А теперь – обед.

Антонов повернулся к старшине заставы:

– Командуй, Владимир Макарович.

Старшина Голубев подsunул под ремень большие пальцы рук, расправил гимнастерку, хотя она и без того гладко облегалa начавший полнеть живот, с легкой хрипотцой в голосе произнес:

– Солдат сам себя обслуживает, поэтому запомните, твердо запомните, наша столовая который год держит первое место в отряде. А почему? В ней всеми нами поддерживается порядок.

– Потр-ряс р-рекламка, – с насмешливой ухмылкой пробурчал Рублев.

Голубев резко одернул гимнастерку и так же резко прикрикнул:

– Разговорчики в строю!

Запоминающе смерил взглядом Рублева и скомандовал солдатам строем идти в столовую. Там «старички», пограничники второго года службы, и жена начальника заставы Тамара Васильевна накрыли столы. Тамара Васильевна в лучшем своем платье, голубом с крупными зелеными цветами, поверх которого надет был белоснежный фартучек, отороченный кружевами, с разрозовевшимся лицом и от кухонного жара, и от волнения, приветствовала молодых солдат, радушно улыбаясь:

– Здравствуйте, ребята. Рассаживайтесь. Проголодались, должно быть, с дороги.

– Здравствуйте, – нестройно отвечали парни, Рублев же картинно развел руками, будто от избытка восторженных чувств, затем поклонился Тамаре Васильевне.

– Потрясно, мадам! Я в шоке, – с явной иронией восклицал он. – Почти «Метрополь». И даже нежные женские руки подадут солдатский борщ. Я бы назвал эту столовку лучшей в Союзе.

Рублев сел за ближний стол, небрежно, как ресторанный завсегдатай, смял салфетку, пододвинул к себе вазу с цветами.

– Аромат полей. В «Славянском»...

Тамара Васильевна удивленно посмотрела на Рублева, пожала плечами в недоумении, хотела что-то сказать, но ее опередил ефрейтор Павел Бошаков. Он положил ему руку на плечо, твердо сдавив. Сказал со спокойной уверенностью в правоте своих действий.

– Руки не помыл. На кухне умывальник.

Рублев недовольно дернулся, но ефрейтор Бошаков еще крепче сдавил ему плечо – Рублев поднял голову, увидел строгое лицо, ежик светлых волос и, неторопливо смерив взглядом ефрейтора с головы до ног, определил мысленно: «Все при нем. В меру высок, в меру развит. Интеллигентом смотрится», – и, ухмыльнувшись, протянул развязно:

– Они у меня чистые. Я их в казарме тщательно...

– Не очень тщательно. Грязь на руках. Пройди на кухню, отмой.

Бошаков, не сознавая этого, повторял поступок своего первого наставника. После ПТУ (отец, главный инженер завода, настоятельно посоветовал начать трудовую биографию у станка) Бошаков пришел в молодежную бригаду, наставником которой был пожилой рабочий, щедрой души человек. Все звали его Фадеичем.

Не успел еще Павел ознакомиться по-настоящему с делом и с ребятами, как Фадеич собрал бригаду и стал советовать:

– Тут намедни мать-наседка одна прибежала. Кudahчет: сладу с сыном нету никакого, возьмите, дескать, на воспитание. Одна, мол. Муж на фронте погиб. Ну что, возьмем? Я-то думку держу, взять следует.

Кто же станет возражать наставнику? Ему видней. А встретить парня по-хорошему ребята пообещали. Так и сделали. Станок, на котором ему предстояло работать, вычистили до блеска, инструменты разложили. Обо всем, в общем, позаботились. А парень с ухмылкой так:

– Ажурчик. Вот спасибо! Вот бы еще кто кнопочку нажал, чтобы это чудо современной техники закрутилось...

Подошел к нему Фадеич, пятерней своей жилистой взял его за плечо, как тряхнет.

– Я те, сукин сын, поразглагольствую! Хошь, чтоб люди уважали, засучай рукава. Ну!

Включил, конечно, станок сам, но явно не с энтузиазмом. В общем, волянил поначалу да ершился, но ребята дружно на него влияли, а Фадеич то отчитает, то душевно с ним поговорит. Взял в конце концов в толк, где верный путь по жизни. Спасибо потом говорил.

Бошаков еще крепче сдавил плечо Рублева.

– Ну!

Рублев нехотя встал и пошагал за ефрейтором на кухню. И только вошли в нее, Бошаков остановился.

– Давай знакомиться. Павел Бошаков. Секретарь комсомольской организации. Посещал и «Метрополь», и «Славянский базар», – тихо, чтобы не слышно было в столовой, заговорил Павел. – А позвал я тебя сюда не руки мыть, а мозги просветить. Запомни, нежные женские руки у жены нашего начальника. Звать ее Тамара Васильевна. Если хотя бы одну пошлость в ее адрес скажешь, солдаты не поймут и не простят тебя.

– Я...

– Все. Если понял, иди обедать.

А Тамара Васильевна, подавая молодым пограничникам уху с крупными кусками маринки, расспрашивала о доме, о родителях, о невестах. Интересовалась, какой самый любимый писатель, какая самая любимая книга – вопросы эти она задавала по-матерински ласково, и солдатики сразу же проникались к ней уважением, отвечали охотно.

– А как тебя звать? – спросила она Рублева, когда поставила перед ним тарелку с ухой.

– Маман Мишенькой звала, подружки мои – Мишелем.

– Миша – лучше. По-русски. А родители?..

– Пр-редки во здр-равии. Пр-ри деле, – не дослушав вопросов, заговорил Рублев. – А книги? Вы конечно же помните р-рекомендации Фамусова?

– Плохо, Миша, что не читаешь. Плохо.

Рублев хотел что-то ответить, но, покосившись на ефрейтора Бошакова, разговаривавшего у соседнего стола с Кирилловым, промолчал.

2

Майор Антонов собирался пообедать вместе с прибывшими новичками, однако времени у него не хватило. Замполит старший лейтенант Ярмышев, который ранним утром уехал к геологам и должен был вернуться, почему-то задерживался, и беседу у обелиска на могиле парторга колхоза «Светлый путь» пограничника Субботина предстояло провести ему самому. Переносить беседу на следующий день майору не хотелось, дабы не нарушать правило, им же самим установленное: пополнение заставы в первую очередь знакомится с ее боевой историей вначале у обелиска, затем и в Ленинской комнате. Обычно такая беседа длилась часа два. Не меньше времени она должна занять и нынче, поэтому он решил, пока обедают солдаты, подготовиться к боевому расчету, составив план охраны границы. Но прежде майор взял личное дело Рублева, чтобы познакомиться с биографией солдата, который, как он понял уже, создаст много хлопот и офицерам, и сержантам.

«Посмотрим и характеристику, какую дали на учебном пункте».

Автобиография начиналась так же, как почти у всех солдат: учился, окончил десять классов. Однако последняя фраза заставила майора Антонова обратить на нее особое внимание. Рублев писал, что полтора года решал, поступать ему в институт или идти в армию.

«Полтора года с гитарой. Большой стаж. Такие перевоспитываются нелегко».

Вопрос и в том, отчего военкомат позволил юноше призывного возраста отлынивать от призыва? Волосатая рука? Стало быть, привык к положению опекаемого? Привык с высоко поднятым носом вступать в жизнь.

Антонов, помедлив, взял характеристику, выданную командирами учебного пункта, но в это время дежурный по заставе доложил, что приехал директор совхоза Каутбеков.

«Так не вовремя», – подсадовал Антонов, дежурному же приказал проводить к нему гостя.

Директор совхоза, сразу бросилось это в глаза, был донельзя возмущен. И в самом деле, он смахнул шапку и бросил, именно – бросил, ее на стул. На лице – досада. Вроде бы он гнался за подранком на охоте несколько километров, и все же упустил добычу. Антонов никогда не видел директора совхоза таким взвинченным. Удивило и то, что Каутбеков бросил шапку. По местному обычаю это означало, что пришел он с важной проблемой и не уйдет, пока его не выслушают и не пообещают помочь.

– Здравствуй, Абдушакир Каутбекович.

Каутбеков молча подал газету, потертую на сгибах и в пятнах машинного масла и грязи.

– Читай, Игорь Сергеевич. Читай!

«На полевом стане побывала», – мысленно отметил Антонов и взял газету. На четвертой странице большой клишированный заголовок «Верблюды уходят через льды». Антонов его уже видел, когда мельком просматривал почту, и отложил газету, чтобы прочитать очерк после боевого расчета, когда можно на какой-то часок оторваться от дел. Сейчас он пожалел, что не познакомился, хотя бы бегло, с ним. Теперь пробегал глазами по абзацам.

– Я звонил в редакцию, – раздраженно челноча по канцелярии и жестикулируя, будто он сердился на самого Антонова, запальчиво досадовал директор совхоза. – Я говорю: не может быть такого, а мне – документы подтверждают. Какие? Спрашиваю. Отвечают: пограничников.

Но ведь главарей банды судили? Судили. Люди подтверждают это! Был среди них Мерген? Нет! Где он? За границей? Тогда почему откочевка вернулась? Я давно документы ищу. Суд запрос делал, прокурорам писал. Сгорели, отвечают. Может, сгорели, может, сожгли. Чтобы нас, родственников Мергена, осуждать можно было. Вот несколько лет, как закрыли свои поганные рты, а теперь, после этой газеты, что будет?! Но не может терпеть человек, если его называют родичем предателя, а он – не предатель. Он, может, герой. Ты начальник заставы, ты должен узнать правду.

Майор Антонов и читал очерк, и слушал Каутбекова, сперва не совсем понимая, о чем идет речь, но потом, когда увидел название поста, который стоял на месте нынешней заставы в тридцатых годах, прочитал слова «откочевка Мергена» – понял, чем возмущен Каутбеков.

Это была давняя и запутанная история. Узнал о ней Антонов шесть лет назад, когда принимал заставу. Предшественник его рекомендовал завести дружбу с лучшим местным охотником и следопытом, любимцем заставы, ее палочкой-выручалочкой, когда возникала нужда распутывать заковыристые следы, Дорофеем Александровичем Янголенком. Антонов согласился без слов, и они втроем поехали на охоту в камышовые разливы. У костерка после удачной вечерней зорьки Дорофей Александрович стал рассказывать Антонову, как новому начальнику заставы, о себе, что родился и вырос здесь, среди тувинцев, даже успел повоевать с белоказаками и бандформированием из местных богатеев в коммунистическом отряде. И вдруг, без какого-либо перехода, посоветовал Антонову:

– Ты, Сергеич, правду должен найти. Без того ты не командир будешь.

– Какую, Дорофей Александрович?

– Не шпорь. Мотай на ус. Нынче вот хотят колхоз в совхоз переладить. Хорошо ли, суета ли сует, не могу судить пока. Время покажет. Я об ином. На директора метят племяша Мергена. Как же верховодить племяшу того, кто откочевку уводил? Уразумел?

– Не очень.

– Мерген, стало быть, – меткач. Бульдурука, значит, – птаха такая, поболее чирка, – может влет свободно сбить. А бульдурук, что тебе пуля винтовочная летит. Их, Мергенов и Мергенбаев тут, что у нас Иванов. А тот, о ком тебе толкую, – джигитом заставы был. Добровольным бойцом, стало быть. Следопытом. Он костью в горле у богачей торчал. Я-то с ним в друзьях не ходил, по годам он старше был, но знакомы мы были хорошо. Он меня на следопытство натаскивал. Хорош был. Зело хорош! Плечища – косая сажень. Камча, плетка по-нашему, чуть не в руку толщиной. Малахай, шапка, стало быть, лисий на голове и в лето. Улыбчивый. Баи здешние его конокрадом прозвали. А оно ведь не так все. По нашим-то временам дико, а тогда – кто посильней да побогаче так и норовил соседа обездолить. Обидеть, стало быть, и под себя поднять. Вот и бандитствовали богачи. Помню, один бедный род начисто обчистили. Те – к Мергену: помоги, дескать. Прыг он на коня и – в горы. Недельку спустя ворочается. Стабунил парней, кто посмелее, и с ними – обратно в горы. Воротились они и с овцами, и с лошадами. Поболее прежнего пригнали. Вот так всегда Мерген поступал. Разве конокрады такие? Когда красноармейцы посты тут повыставляли, он сразу к ним подался. Так с ними и дружил, будто службу нес. Ни сна, ни покою тебе. Карабин при нем, конь справный да послушный. Контуру и бандюг разных били сперва, после взялись за тех, кто опий носил, золотишко да тряпки разные, шелковые, панбархатные. Мергену, бывало, лишь след увидеть, а уж зацепиться за него – зацепится. Диву давались. Камень ли, осыпь ли – все одно не отстанет! Повывелись тут контрабандисты тогда. И контра всякая тоже хвосты прижала. А куда деваться им было-стать? Стрельнули как-то в Мергена, так он тут же по следу ретивца достал. А коль скоро колхозы стали ладить, богатеи, как бурятские, так и русские кулаки, оскалились, что тебе волки матерые. И то верно, кому хочется терять потом нажитое. Да и те, кто грабительством жил, тоже жадничали обществу хоть малую часть отдать. Запугивали люд простой. Наши попы адом крошечным, их монахи – еще страшней: будто вселяться после смерти их души в гадюк либо шакалов, если

поперек прежних порядков, какие Всевышним установлены, осмелятся идти. И верили люди. За границу давай скот угонять. И сами туда, вместе со скотом. Мы их откочевками называли. Особенно зимой уходили. Когда горные озера замерзали. Они, эти озера, словно ворота распахнутые в горах. К одной из таких откочевки и примкнул Мерген. Гадали мы тогда, гадали, так ума и не приложили, зачем ему было туда соваться? По сей день я не верю, что он изменником стал. Многие не верят. Но разговоры всякие идут. Брожение в селе. А оно ить как: ежели мир да согласие, сила в этом. Хозяйство тоже в гору ладит. А если разлад – неладно такое. И тебе, начальник, покоя не дожидаться. Вот я и толкую: дознайся правды.

Вспомнил Антонов и тот рассказ у костерка, и встречу со старожилками села, на которой страсти раскалились. Одни считали, что Мерген погнался за славой: ему, бедняку, стать в откочевке первым, ему подчинились именитые главы родов, и дурь, стало быть, вскружила голову молодому джигиту, и тут же вопрошали: могут ли быть потомки жадного до славы человека, предавшего родную землю, честными людьми? Другие доказывали противоположное: Мергена направил в откочевку начальник заставы, дабы убедить в пути сородичей вернуться. Мерген, по их утверждению, – герой, и родичи его тоже имеют право на почет и уважение. Антонов пообещал тогда старожилкам выяснить правду, но ничего узнать толком ему не удалось. Начальник заставы, как он выяснил, погиб в одном из боестолкновений с белоказаками, в официальных же документах тот уход, о котором шел спор, именовался «Откочевка Мергена». Антонов затеял переписку с ветеранами части, надеясь узнать у них подробности, но безрезультатно. А споры в селе с годами стали затихать, и постепенно прекратились вовсе.

«Не сдержал слово. Отступился. Вот – результат. Теперь вновь придется начинать поиск», – упрекнул себя Антонов, а директору совхоза сказал:

– Садись, Абдушакир Каутбекович. Успокойся. Хоть ты и бросил шапку, я не могу тебе сказать, что все узнаю, все будет в норме. Ты запрашивал документы, я тоже писал в свой архив. Мне прислали выписку из формуляра. Десять слов. Откочевка Мергена ушла, пограничники не смогли перехватить ее. При попытке задержать ее, героически погибли пограничники Волосевич и Петров. Ты говоришь, Мерген не вел откочевку, а в формуляре...

– Баи и кулаки вели. Мерген – джигит. Он был джигитом на заставе. Его начальник заставы послал в откочевку. Баи и кулаки повесили Мергена, когда узнали об этом. Так говорят люди.

– Не все. Другие говорят, повесили его белоказаки. Потом и всех знатных скрутили, чтобы скотом и лошадьми овладеть. Кому верить? Я тебе верю. Слово чести. А иные подумают, раз ты племянник Мергена, значит, заинтересованный человек. Не поверят словам, как бы убедительно они ни звучали. Нужны документы. Нужны свидетели. Объективные свидетели. Вот это и придется нам искать. Вместе искать. И не одну неделю, даже не один месяц. А с людьми я поговорю. Завтра, к восьми вечера, собери рабочих совхоза.

– Надеваю, Игорь Сергеевич, шапку. Надеваю.

Антонов проводил директора совхоза до его машины, возвращаться же в канцелярию не стал. Обед заканчивался, солдаты выходили из столовой. Вышел и старшина Голубев.

– Ну, как, доволен обедом народ?

– Еще бы.

– Чем не доволен? Почему по пряжке не барабанишь, если все в ажуре? – улыбнулся Антонов. Он при любом случае подшучивал над привычкой старшины постукивать пальцами по пряжке ремня, если он в хорошем настроении.

– Да-а, Рублев, похоже, для нас не приобретение. В хозвзвод бы его, а не на заставу.

– А ты, Владимир Макарович, видел его глаза? Нет, наверное.

Голубев понял, почему майор заговорил о глазах: приглядишься, дескать, внимательно к солдату, изучи его, после того уже давай ему такую категорическую оценку. А что тут приглядываться? Рублев, как казалось старшине, сразу виден – гусь лапчатый.

– Бездумные у него глаза.

– У нас еще будет время поговорить о Рублеве. Покурят пусть солдаты, и веди их к памятнику Субботина. Я буду там ждать.

С первого дня, как принял Антонов заставу, пытался он убедить старшину Голубева, что нельзя делить солдат на «приобретение» для заставы и «не приобретение». Вроде бы убедил, и вот снова: «не приобретение». И это всего лишь через час после того, как молодой человек прибыл на заставу.

«Спешишь, Владимир Макарович, спешишь, – продолжал Антонов мысленный разговор с Голубевым. – Рано еще говорить, где его место, в хоззвезде или на заставе».

Думая о Рублеве, о других молодых пограничниках, с которыми придется теперь охранять границу, Антонов неторопливо шел к памятнику.

Не так давно, по инициативе комсомольцев, поставлен был обелиск над могилой неизвестного пограничника. Долгое время майору Антонову не удавалось узнать фамилию похороненного здесь солдата и причину его смерти. Когда он принимал заставу, ему толком ничего о ней не рассказали. Одно было известно точно, что не в бою он погиб, а умер на заставе. Якобы от воспаления легких. За могилой ухаживали старательно, изгородь всегда радовала взор зеленью свежей краски, тополя и вербу, посаженные, видимо, сразу же после похорон, не забывали поливать в знойные летние месяцы, а розы и пионы – каждое утро. И что важно, солдаты сами, без напоминаний, ухаживали за могилой неизвестного пограничника.

При знакомстве с членами комсомольского бюро заставской организации, Антонов усомнился в невозможности узнать имя упокоенного во дворе заставы солдата.

– Согласен, нет в архивах и формулярах, но кто-то из сослуживцев погибшего или умершего от болезни жив. Нужно искать.

Искали несколько лет. Из писем, что приходили на заставу, можно было составить развернутую историю не только заставы, но и отряда – историю борьбы с белоказачеством, с не принявшими советскую власть бурятами и довольно большой прослойкой казахов, живших здесь, но о похороненном пограничнике – ни слова. Каждому новому составу комсомольского бюро Антонов не уставал повторять:

– Нужно во что бы то ни стало продолжать поиск. Для себя. Для тех, кто будет служить после нас.

И однажды пришло долгожданное письмо: «Я хорошо помню Трофима Субботина. Осенью тридцать первого года он погиб. Отряд белоказачков вкупе с местными предателями шел через горы, чтобы неожиданно налететь на село, что на берегу Ташхемки. Там только что был создан колхоз “Светлый путь”, вот его и намеревалась банда разграбить, а колхозников покарать смертью.

В момент перехода банды службу в горах нес наряд в составе пяти пограничников. С ручным пулеметом. Мы встретили банду огнем. Их было около четырех сотен. Чем бы бой тот закончился, вполне можно представить, если бы бандиты после того, как их первая атака была отбита, продолжили на нас наступать. Но они больше не наступали. Сотня их окружила нас и беспрерывно вела огонь, остальные повернули назад. Мы поняли, что банда пойдет к селу другим ущельем. Но разве мы в силах были их остановить? Попытались прорваться, да куда там! Трех ранило. Заставу тоже никак не предупредишь. Перед нами, за валунами, – бандиты; за спиной – Ташхемка. Не вам рассказывать, как она бурлива в горах. Ажно смотреть на нее боязно, не то, чтобы переплыть.

– Я поплыву! – решительно сказал Субботин. Он отдал патронташ мне, снял сапоги и положил рядом с винтовкой. Между камнями, чтобы бандиты не увидели, пополз по-пластунски к реке. Он был делегирован в свое время на собрание партячейки колхоза, и коммунисты избрали его своим парторгом. Долг он поставил впереди жизни.

Субботин доплыл. До сих пор я не могу себе представить, сколько силы потребовалось Трофиму, как сумел он выбраться на противоположный берег прямо к водопою, где в то время были люди? Он предупредил их о банде. Колхозники послали верхового на заставу, а сами заняли оборону. У многих сельчан имелось тогда оружие: винтовки, дробовики, обреза, маузеры.

На помощь колхозникам начальник заставы послал несколько человек со станковым пулеметом, остальных пограничников повел в тыл банде. Когда она втянулась в бой на подступах к селу, пограничники ударили с тыла. Часть бандитов была уничтожена, часть взята в плен. Об этом мы узнали, когда застава пришла нам на помощь. Сотню ту, которая нас держала, тоже разгромили.

Как только мы вернулись на заставу, сразу – к Трофиму. А он без памяти. И лицо, и тело все в синяках и кровоподтеках. О камни била героя вода. Так и не пришел он в себя. Жизнью своей спас нас, четверых, колхоз и заставу. С почетом мы похоронили его и в тот же день посадили возле могилки деревья и розы с пионами. А в формуляр не вписали, что погиб героически, потому, мне думается, что врач, который приезжал лечить Трофима Субботина, сделал заключение, что помер красноармеец от воспаления легких».

Дальше шла подпись: бывший пограничник красноармеец П. Панченко. А еще ниже – обещание написать о тех годах все, что он помнит.

Об этом письме, о подвиге солдатском собирался рассказать майор Антонов пополнившим заставскую семью. Он подошел к калитке, открыл ее, но, посмотрев на свои запыленные сапоги, остановился у невысокого порожка. Здесь, за внешней стороной ограды, – желтая глина, прокаленная солнцем, обдута ветрами, там, в тени деревьев, – кашка в цвету, будто клубника переспелая. Оттого и не перешагнул порожка Антонов, чтобы не помять нежную красоту. Он повернулся и стал смотреть вниз, на заставу. Молодые солдаты уже стояли в строю. Сейчас они, пройдя через ворота, поднимутся сюда, на вершину сопки. На правом фланге стоит Рублев: он выше всех на голову. Рядом с ним – комсорг Бошаков.

Строй повернулся и пошел мимо казармы – красивого кирпичного двухэтажного здания.

«Любуются заставой, – определил Антонов по тому, как сбивчив шаг молодых солдатиков и как головы их, почти всех, повернуты в сторону казармы, где им почти два года предстояло жить. – А сколько труда в нее вложено! И военные строители поработали, да и мы не стояли в сторонке».

Построена застава тоже совсем недавно. Раньше она стояла на самом вершине сопки, где теперь только обелиск, когда же начали планировать закладку новых зданий, то решили (учли мнение Антонова и Голубева) спустить ее вниз, на обратную от границы сторону, к подножию. Теперь ее не видно с сопредельной стороны, легче стало нарядам (не подниматься по довольно крутому косоугору), возвращавшимся с охраны участка, не так глубоко пришлось бурить скважину до воды. На вершине холма оставили лишь наблюдательную вышку. И всякий раз, когда Антонов поднимался на холм, он любовался и кирпичной казармой, и офицерским домиком, и гаражом, и овощехранилищем, удобным, вместительным, и баней, и газонами, окаймленными красными тюльпанами, заботливо выращенными его женой и женой старшины. Особой гордостью для Антонова была беседка, обвитая диким виноградом – так называемая курилка. Просторная, чистая. В ней не швырнешь окурок мимо урны, не плюнешь, куда не попадя. Она вроде бы сама приучает к порядку, требует от курильщиков соблюдать чистоту. Между всеми зданиями – цементные дорожки с живыми изгородями по бокам. И дорожки, и зеленая изгородь из шиповника, прозванная солдатами витаминной, были дороги Антонову, ибо он предложил сделать все это своими силами. И получилось красиво и уютно. Теперь заставский двор контрастировал с тем, что начиналось сразу же за забором – желтоватая глина с чахлой, выжженной палящим солнцем травой, зеленой только несколько весенних месяцев. Дальше – такая

же голая степь, до самых до тугаев, которые густой стеной защищают широкую, но спокойную степную реку – Сарыхем. Она разливается не весной, а летом, когда начинается основное таяние снега и ледников в горах, которые высятся в нескольких километрах от границы на сопредельной стороне. И будто не вода течет в эти месяцы между непролазными тугаями (заросли джигиды, барбариса и тальника), а кофе со сливками. Потому и название реке – Желтая. И только с осени, когда река мелеет и уже не подмывает берега, вода становится прозрачной. Чем хороша река и чем плоха? Хороша обилием рыбы, которая добротнo пополяет солдатский паек, но худо то, что за ней нужен глаз да глаз. Раз она течет из-за рубежа, то вполне можно использовать ее, как удобный маршрут пересечения границы. Прежде, правда, такого не встречалось, теперь же, когда в горах начала работать геологическая партия, итоги работы которой согласно полученной заставой информации могут вполне заинтересовать не только и не столько соседей, на реку придется обратить особое внимание: держать круглосуточный наряд на ее берегу, а ночью время от времени освещать прожектором.

Тугаи – защитная полоса от лессовых холмов, почти голых, лишь с редкими кустами саксаула, барбариса и верблюжьей колючки. Днем на те холмы слетаются фазаны и купаются в горячей пыли. Заставского верблюда, который любит полакомиться колючкой, они не боятся. Неудобен этот участок. Иссушенный солнцем лесс – хуже песка. Чуть свернул с дороги (солдаты этот участок дороги укрепили гравием) машина сразу же начинает буксовать, поднимая пыль. Пешком тоже трудно ходить по лессу. Да и маскироваться нарядам здесь негде.

Почти километр тянется лессовая пустыня, а дальше – старое русло с бурой зеленью столетнего камыша и коричневатыми пятнами затхлых ржавых озерцов. Вокруг них камыш особенно густ, такие завалы – не продерешься. Камышовые озера тянутся не очень широкой полосой от границы в тыл километров на двадцать. Там старое и новое русло сливаются, и вскоре речка впадает в большое степное озеро Чарых-нур. На его берегу два крупных рыбо-ловецко-зерноводческих колхоза. Рыбы в озере – хоть руками лови, а лесс, если его оросить, очень плодороден. Староверы же, поселившиеся здесь неведом когда, так устроили оросительную сеть, что хлеба дают невиданные урожаи. Богато живут староверы, работающий и непьющий народ.

В камышах старого русла лет сорок-пятьдесят назад, как утверждают старожилы, водились тигры, сейчас же остались кабаны и волки. Уток же и гусей, как и прежде, море разливанное! В сезон охоты, по пропускам, конечно, наезжают из города много охотников. Тогда этому флангу глаз да глаз нужен.

Правый фланг – совсем иного плана. Сразу же за холмом, где стоял памятник Субботину, начинался зеленый луг. На краю луга, почти у самой границы – Собачьи сопки. Два высоких насыпных кургана, могилы двух племен, погибших в междоусобной схватке. Легенда гласит, будто начался спор из-за любимой собаки одного из вождей. Но это – сказки. Конечно же борьба за господство. Вождизм. Болезнь неизлечимая всего человечества.

От заставы через луг идет дорога. Она проходит через село и, перемахнув бурную речку Ташхем, карабкается в горы и теряется между скал, которые, громоздясь друг на друга, поднимаются все выше и выше.

Горы – самый трудный участок для охраны. Туда уехал сегодня старший лейтенант Ярмышев, но вот что-то задерживается...

– Группа стой! Товарищ майор... – начал докладывать старшина Голубев, но Антонов остановил его:

– Вот сюда поближе давайте.

Подождав, пока солдаты сгрудятся возле него, Антонов предложил:

– Снимем фуражки и почтим минутой молчания память героя.

Посерьезнели лица парней. А когда Антонов начал рассказывать о самоотверженном поступке Субботина, ради спасения колхоза и своих товарищей-бойцов, новички затаили дыхание. Закончив рассказ, Антонов распорядился:

– Перекур небольшой, и я дам характеристику участка заставы.

Старшина Голубев достал пачку сигарет и начал угощать солдат. Брали молча. Потом подходили к оградке и, так же молча, смотрели на обелиск. Антонов же, глядя на дорогу, мысленно вопрошал неизвестность: «Что-то долго нет Ярмышева. Уж не случилось ли чего? Говорил, возьми рацию. Впрочем, в горах эта бандура нема, как рыба».

3

К геологам старший лейтенант Ярмышев ездил часто, особенно после встречи с выпускницей института Боженой Панковой. А познакомился он с ней полгода назад. Антонов, посылая проверить службу нарядов в горах, приказал:

– К геологам загляни. Узнай, что у них нового. Еще раз о взаимодействии напomini.

Ехал старший лейтенант в то утро к геологам с сомнением, не поняв, что ему там делать. Лишь накануне у них побывал сам начальник заставы, все вопросы, наверняка, обговорил, а сегодня послал его, узнай, дескать, что у них нового.

«Десять километров туда, десять обратно, – думал Ярмышев. – А зачем? Бензин жечь, да и время терять. А я еще конспект к завтрашним политзанятиям не закончил».

Дорога к геологам в то утро ему показалась особенно неудобной. Однообразные коричневые скалы, возвышавшиеся справа и слева, угнетали его. Настроение изменилось только когда газик въехал в долину. По-горному яркое разнотравье пушистым ковром покрывало землю, а по берегам торопливого ручейка толпились тальниковые кусты, на листьях которых поблескивали в лучах утреннего солнца капли росы. К тальниковым кустам примыкали белые домики геологов. Шиферные их крыши, влажные от росы, блестели, словно стекла, а обращенные к солнцу окна домиков пылали крыльями Жар-птицы.

В одном из домиков отворилась дверь, и юная стройная дева, с полотенцем через плечо, направилась к ручью.

«Новенькая, – мелькнула догадка. – Странно, начальник ничего об этом не сказал».

Ярмышев посчитал, что пока они доедут до домиков, поднимутся другие геологи, и он поговорит с ними, узнает все новости прямо у ручья, не дожидаясь начала рабочего дня, однако легковушка уже въехала в поселок, а ни одна дверь больше не отворилась. И хотя Ярмышева здесь все знали, и он был желанным гостем, будить ему никого не хотелось, тем более, что в этом не было никакой необходимости.

– Давай к конторе. Там меня подождешь, – приказал Ярмышев водителю ефрейтору Кочанову, вылез их машины, миновал последний домик, прошел по тропе между тальниковыми кустами и остановился, пораженный: на берегу ручья стояла девушка. Ее белые шелковистые волосы спадали на плечи, а черный тренировочный костюм, который плотно облегал тонкую талию, подчеркивая белизну волос и нежность лица. Ярмышев вдруг, вовсе не отдавая себе отчета, ступешался.

– Здравствуйте, – как-то нерешительно поприветствовал он девушку.

– Здравствуйте, – ответила та и лукаво улыбнулась, отчего на ее щеках образовались ямочки. Круглые. Глубокие. – Давайте знакомиться. Вы, наверное, командир заставы?

– Нет. Я заместитель начальника.

– А я – молодой специалист. Божена. – Она протянула ему маленькую нежную руку. – Не удивляйтесь столь странному имени. Дань моде. Мама моя – оригиналка. Ей хотелось, чтобы дочь ее была современной во всем.

Она говорила и сама удивлялась, отчего вот так, сразу, стала рассказывать о себе. Редко с ней подобное случалось. И только через несколько часов после этой встречи она поняла: пограничник ей понравился. Высокий, чуточку ссутулившийся, словно специально скрывающий широту и силу своих плеч. Глаза открытые, то удивленные, то восторженные, то недовольные – она вроде бы не заметила, как менялось выражение глаз молодого офицера, но, оказалось, все замечала, все запомнила, и сделала открытие для себя, что такие открытые глаза, по которым можно определять состояние души, могут быть только у честного и доброго человека.

А Ярмышев после той встречи все чаще думал о Божене. Он словно наяву видел ее лицо, льняные локоны, голубые глаза и особенно ямочки на щеках. Видел днем, хотя заставская круговерть вроде бы отнимала все время, видел вечером, даже когда проводил беседу с личным составом, видел ночью, когда высылал наряды на границу, – он был удивлен: несколько минут провел с ней и, кажется, влюбился.

– Задумался о чем? – спросил однажды Антонов, понимая состояние своего заместителя, чтобы вызвать его на откровенность.

– Думаю, как воскресенье лучше провести, какие мероприятия организовать.

Ответ не порадовал майора Антонова. Он считал их отношения вполне доверительными, но, оказывается, не совсем так. Почему он не рассказывает о встрече с Боженой? Скрытничает. Видимо, сделал вывод Антонов, приглянулась девушка старшему лейтенанту. А раз так – ему одному отныне ездить к геологам. Так он впредь и планировал. Вторая поездка – несколько дней спустя.

Ярмышев на этот раз был благодарен майору, и дорога среди хмурых скал показалась ему не такой уж скучной.

И – чудо. Все повторилось. И роса на листьях, и крылья Жар-птицы в окнах, и яркий блеск луга-ковра, и дверь отворилась – он сразу узнал Божену, хотя до нее было довольно далеко. Сердце забило часто и тревожно.

Так же, как и в первый раз, Божена у ручья оказалась одна. Она нисколько не удивилась приезду Ярмышева, будто ждала его. Протянула руку.

– Здравствуйте, Велен. Можно я вас только по имени буду звать?

Они с полчаса оживленно болтали, будто давно знали и хорошо понимали друг друга. Когда же Ярмышев спросил ее о впечатлении от работы в геологической партии, она ответила общими словами:

– Первое впечатление хорошее. Думаю, все будет прекрасно, – и, помолчав немного, добавила: – Да вам, наверное, неинтересно: шурфы, минералы, надежда открыть перспективные залежи...

Взгляд Ярмышева посуровел, лучистые глаза его потемнели.

– Для человека с ружьем, как окрестил нас Владимир Ильич Ленин, камень – это укрытие от пуль. А из чего оно, это укрытие, состоит, не так уж и важно. Так, да? Слышал я в детстве песню. И мотив забыл, и слова забыл. Осталось в памяти только одно: упрекал солдат девушку за то, что, кроме серой шинели, ничего она в нем не рассмотрела.

– Не обижайтесь, Велен. Я не хотела... Извините, ради бога!

– Пора мне на заставу, а еще к вашему начальству заглянуть нужно, – посмотрев на часы, сказал Ярмышев и после малой паузы добавил: – Приезжайте к нам в гости.

– Приезжайте вы. Вам легче, – ответила она с нежной улыбкой и протянула руку.

Он уходил нехотя. Хотелось остаться здесь на весь день, походить вместе с Боженой по горам от шурфа к шурфу, полюбоваться вместе с ней горным закатом, но он не мог сделать этого, его ждала застава.

Узнав у начальника партии нужные новости, Ярмышев сел в машину.

– Поехали, Сергей, домой.

– Ох, и жена кому-то достанется, товарищ старший лейтенант. Красивая, – сказал ефрейтор Кочанов, включая зажигание. – Я хорошо разглядел ее, еще при первой вашей встрече с ней.

Ярмышев ничего не ответил, а про себя подумал: «Ну и досужий народ солдаты! Наверное, в курилке уже говорили о Божене, а сегодня решат: подходящая жена. Жена...» И вновь перед его мысленным взором появилась тоненькая стройная фигура. И ямочки на щеках.

А потом их встречи становились все продолжительней. Ходили они к шурфам, к буровым вышкам, любовались зорями, и она говорила вполголоса:

– Смотри, облака как крылья лебедей, а зубастые скалы тянутся к ним, хотят схватить. Страшно, – и прижималась к нему, словно ища защиты.

Он гладил ее льняные волосы и целовал.

И у геологов, и на заставе знали уже об их любви. Когда Ярмышев приезжал к ней, тот, кто первым встречал его, сообщал, где находится Божена, а то и говорил:

– Сейчас позову вашу невесту.

Приезжала Божена и в поселок у Ташхемки. В нем у геологов была небольшая гостиница. Сразу же звонила на заставу Ярмышеву. Антонов планировал ему на эти сутки выходной и, отпуская, желал хорошо провести время. Тамара же Васильевна каждый раз просила: «Привел бы Божену к нам. Я ее как сестренку встречу».

Но ни Божена, ни Ярмышев не хотели проводить время, как они выражались «в семейном уюте», они уходили в сельский клуб на танцы, либо смотреть кино. И хотя часто оказывалось, что Божена видела этот фильм, когда была еще студенткой, она все же шла, если он хотел. В один из таких вечеров, когда они возвращались из клуба, он заговорил о свадьбе. Она выслушала, приподнялась на цыпочки и поцеловала его особенно нежно.

– Какой ты хороший.

Через несколько дней вызвали Ярмышева в отряд на сборы и совещание. Неделю пробыл там. Вернувшись, доложил майору Антонову, какие задачи начальник отряда, и тут же спросил:

– Божена не звонила?

– Нет. К ним новый начальник назначен. Дней пять, как приехал. Познакомься с ним. Мне все не удавалось с ним поговорить. Расскажи обстановку, чтобы почувствовал границу и свою роль здесь.

Собрался Ярмышев быстро. Дорогой мысленно поторапливал водителя, и тот, видимо, понимая состояние старшего лейтенанта, ехал быстро. Воображение Ярмышева рисовало встречу с Боженой – он даже чувствовал, как она ласково прижмется к нему, ощущал порывистый ее поцелуй; он с трудом заставлял себя продумывать предстоящий разговор с главным инженером геологической партии, чтобы он стал убедительным, настраивающим на глубокое понимание границы.

Божена оказалась дома. Кинулась к нему, обняла, положив голову на его широкую грудь и радостно зашептала:

– Велен, милый! Приехал! Как я соскучилась!

– Я тоже. А что нам мешает быть вместе все время?

– Нет-нет. Не теперь, Велен... Мы давно не видели друг друга, – торопливо заговорила она. – Снимай свои ремни. Отдыхай с дороги.

– Нужна же нам ясность?

– Не знаю я пока ничего. Я много думала. Я не могу бросить свою мечту. Открытие – вот оно, рядом. В моих руках почти. Пойми меня, Велен. Ты должен понять. Обязан. Давай пить кофе. Я счастлива, что ты со мной, и сегодня ни о чем не могу думать, – она поцеловала его и подтолкнула к столу. Спросила: – Сегодня можешь остаться со мной?

– Да, – ответил Ярмышев, – только мне с главным инженером нужно познакомиться и переговорить. Не провожай. Я один. Ладно?

Через несколько минут он вошел в кабинет главного инженера, и каково же было удивление Ярмышева, когда встретил его не пожилым, как почему-то представлялось ему, а молодой мужчина. Чуть-чуть, может, старше его самого.

– Здравствуйте. Рад познакомиться. Кондрашов Иван Георгиевич, – заговорил он, выходя из-за стола навстречу Ярмышеву и протягивая руку. – Наслышан о вас, если вы тот самый заместитель начальника заставы.

Они стояли рядом и смотрели друг на друга оценивающими взглядами. Оба одинакового роста. Плечистые. Только Ярмышев немного сутулился, будто стеснялся своих плеч, а Кондрашов, наоборот, стоял подчеркнуто прямо, словно демонстрировал свою атлетическую фигуру.

«Спортом занимался, – определил Ярмышев. – Или гантелями грудь накачал. А одет, как с иголки».

Действительно, одет главный инженер был так, словно демонстрировал дань моде: голубая рубашка, цветастый широченный галстук и темно-серый костюм в крупную клетку. Все это вроде бы только что из-под утюга.

– Знаю, нелегкая у вас служба, но, как говорит народ, почетна, – голос у Кондрашова был мягкий, приятный, но тон, как показалось Ярмышеву, явно покровительственный. Неприятно резанула слух и банальная фраза о тяжелой, но почетной службе. Ярмышев нахмурился и прервал главного инженера:

– Немного не так народ говорит о нас. Но не об этом сейчас речь. Должен проинформировать вас, в пределах допустимого, об обстановке на нашем участке границы и в связи с этим объяснить, как новому человеку, ваши обязанности по организации охраны поселка вашего и мест геологических работ. Граница, хочу заострить ваше внимание, совсем близко. А граница, она ведь, Иван Георгиевич, есть граница. Давайте уточним с вами систему охраны и связи с пограничной заставой.

– Предшественник передал мне все документы. Я успел уже с ними познакомиться.

– И тем не менее.

– Тогда прошу, присаживайтесь, – пригласил Ярмышева Кондрашов и сам сел за свой рабочий стол.

Расстались они вроде бы без неприязни друг к другу. А в следующую встречу Кондрашов вновь повторился.

– Как служба почетная идет? – спросил он своим приятным мягким баритоном и добавил тоном начальника, ответственного за безопасность государственных рубежей: – Верю, граница на замке, охрана ее в надежных руках.

Старший лейтенант нахмурился, хотел ответить резкостью, но одернул себя: «Стоит ли заводитьсь? Франт набриолиненный!»

С тех пор старался с главным инженером часто не встречаться. О соперничестве в любви даже не думал, но однажды увидел Божену и Кондрашова вместе. Когда он приехал в поселок геологов, ему сказали, что Божена у главного инженера, но времени у него на сей раз было не слишком много, и он решил не ждать, пока она выйдет из кабинета Кондрашова. Постучал. Услышал мягкое: «Входите, пожалуйста», – отворил двери и остановился пораженный. Божена склонилась над схемой, волосы ее волнистыми прядями спадали вниз, почти закрывая лицо, а рядом, касаясь этих мягких волос, – голова главного инженера, прилизанная, с безукоризненно ровным пробором. Божена даже не подняла головы, так увлечена была рассматриванием схемы. Или – ей приятно было от близости с Кондрашовым?

– Слушаю вас, – приподнимая голову, проговорил Кондрашов. – А-а! Страж границы к нам в гости. Встречай, Божена.

В голубых глазах Божены Ярмышев увидел смущение. Она поправила волосы, подошла к нему и взяла за руку.

– Пойдем, Велен.

Те полчаса, что были свободными у старшего лейтенанта, они провели на берегу ручья. Сидели на гладком валуне, молча смотрели, как стремительно струится прозрачная вода, прыгая с камушка на камушек на перекатах. Расстались как-то отчужденно. Без ставшего привычным поцелуя.

А в тот раз, когда еще пришла необходимость встретиться с главным инженером и другими людьми, чтобы предупредить их об обострении обстановки на участке, мысленно Ярмышев повторял те слова, какие собирался сказать Божене. Расставить, как говорится, все по своим полочкам. Он намеревался поговорить сперва с ней, а уж после того пойти к главному инженеру, затем и встретиться с нужными людьми. Но Божена, как ему сказали, ушла на дальний шурф и вернется не раньше чем через час. И еще он увидел приближавшегося к нему Кондрашова.

– Дела службы, Велен Никифорович? Или... – протягивая руку, лукаво спросил он.

– И то и другое, – миролюбиво ответил Ярмышев. – Привез новый график связи с нами. И еще – информацию по обстановке.

– Ну что же, потехе час, а делу время. Прошу ко мне в кабинет.

Старший лейтенант передал главному инженеру новый график и объяснил непонятное ему, напомнил о необходимости, в связи с новыми данными (он темнил, как темнили сами геологи, чего они пытаются найти в этих горах), более надежно охранять и поселок, и шурфы с буровыми, а при появлении любого нового человека, немедленно информировать заставу. Закончив инструктаж, Ярмышев надел фуражку и направился к двери, но в кабинет внезапно влетела Божена. Радостная. С двумя большими кусками породы в руках. Бросив на ходу: «Здравствуй, Велен», – положила принесенные камни на стол и возбужденно заговорила:

– Смотрите, Иван Георгиевич! Смотрите! Из дальнего шурфа. Богатейшие, выходит, там запасы. Победа! Наша победа!

Такой сияющей Ярмышев еще не видел Божену. Восторг, казалось, переполнял ее, и она не пыталась его унять. Но не это удивило и поразило Ярмышева. Хотя он и не понимал, что за камни принесла Божена, но догадывался, что ее находка подтвердила прогнозы геологов, – его удивило и поразило другое: сапожки, мини-юбка, голубая нейлоновая кофточка и модная прическа, вроде бы сработанная перворазрядным парикмахером.

«Она же на шурф ходила, а выглядит нарядней, чем когда приезжала ко мне в поселок. И здесь, и в поселке у Ташхемки. Всегда в брючках. По-рабочему одета, как и все геологи, кроме главного инженера».

Сейчас она показалась похожей на Кондрашова... А тот, взяв один из камней, внимательно осмотрел его на свет, потом даже через лупу, и в конце концов возвестил:

– Велен Никифорович, вы присутствуете при великом открытии! Можете поздравить свою невесту. Вот смотрите, видите прожилки?

И Кондрашов принялся неторопливо рассказывать Велену, чем ценна эта находка. Он брал в руки то один, то другой камень, объясняя, по каким признакам можно определить, что они содержат полезную руду или, как он выражался, редкоземельные, весьма ценные для человечества, ископаемые; он говорил о вулканах, о горообразованиях, называл эры и эпохи, вроде бы просвещая тем самым пограничника, но смотрел не на него, а на Божену.

– Теперь, могу предположить, вы почувствовали суть, – завершив рассказ, глубокомысленно изрек Кондрашов, – отношений человека и природы: если бы человечество не соперничало с ней, оно бы оставалось по сей день в детской распашонке. Извечно вел и ведет он борьбу за то, чтобы покорить природу, подчинить и заставить служить себе. Образы таких борцов и победителей нам подарили бессмертные Гомер, Гёте, Уитмен. Мы гордимся теми героями, и почему же не назвать нам героями живых? Вот – Божена. Ее цель в жизни – подчинить природу...

– Судя по вашим рассуждениям, могу с такой же уверенностью предположить, что вы не знакомы с произведениями более древних авторов, и тем более с такими древнейшими трактатами, как Веды. Если бы вам была знакома хотя бы Рамаяна, вы не посмели бы с такой патетикой утверждать о извечной борьбе человека с природой. В период той великой цивилизации люди не высасывали из земли ее кровь, не ковырялись в ее теле, выскребая оттуда так называемые полезные ископаемые. Но – летали. Но строили такие шедевры, какие нам еще не под силу. Мы губим природу. Рубим сук, на котором сидим.

– Да-да, можем совершить непоправимое. Потомки не простят, – с явной иронией парировал Кондрашов. – Правильно ли я вас понял? Уж не руссоист ли вы?

– Нет. Я не призываю к тому, чтобы и вы, и Божена, и все геологи, все люди склонили бы головы перед могуществом природы, но вы забыли, что мы живем в веке, когда человечество сняло распашонку и может позволить себе начинать жить в гармонии с природой на основе новых технологий, на основе использования энергетических источников без нанесения вреда земле-матушке. Но для этого нужно думать. Впрочем, к чему весь этот спор? Он, что мертвому припарка. Тем более, мне пора возвращаться на заставу, к трудной, но, как вы иронизируете, почетной службе. До свидания, – кивнул Ярмышев Кондрашову и повернул лицо к Божене: – Проводи.

Он не решился заговорить с Боженой о будущих их взаимоотношениях, повторить предложение о женитьбе, хотя понимал, что такой разговор просто необходим. Он пожалел, что оказался нерешительным, лишь когда машина увозила его все дальше и дальше от поселка геологов по узкой, отгороженной от солнца гранитными скалами дороги. С запоздалыми упреками в свой адрес старший лейтенант не скупился. Вместе с тем он все отчетливее понимал, отчего Божена так заметно изменилась...

Отмахнувшись от невеселых мыслей Ярмышев только тогда, когда увидел пограничный наряд, медленно двигавшийся дозором по границе, которая шла метрах в пятидесяти от дороги. Вдоль нее солдаты расставляли самодельные едва заметные даже днем приборы. На заставе дали им и название – приборы пограничной хитрости.

Вот солдаты спустились в неглубокую лощинку, и стали видны только их фуражки. Потом фуражки остановились. Исчезла одна, за ней вторая.

– Что-то рассматривают. Не следы ли? – предположил Ярмышев, но водитель поперечил:

– Нити, должно быть, подправляют. Сейчас я туда подверну.

– Нет. Вон у того камня напротив расщелка остановись. Я к ним схожу.

Не успели они подъехать к камню, как из лощинки выбежал старший наряда ефрейтор Семятин и подал знак, что обнаружены следы.

– Давай к нему, – приказал водителю Ярмышев.

Доклад Семятина четкий: нити, протянутые по расщелку, порваны в трех местах.

– На заставу доложили?

– Нет. Мы вас увидели.

Метр за метром принялись все вместе изучать лощинку. Обнаруживали то сбитый камешек, то примятые стебельки редкой среди камней травы, но четкого отпечатка следа не находили. Кто прошел? Люди? А, может, горные козлы?

– Наверное, все же, товарищ старший лейтенант, теки прошли, – высказал свое предположение водитель. – Как в прошлый раз.

– Вот, как в прошлый раз, и выясним, – ответил ефрейтору Ярмышев. – Наряд – за мной. Кочанов – у машины.

Неделю назад по этому же расщелку прошли теки. Порвали нити, выбили кое-где камешки из своих гнездышек – тогда наряд, обнаруживший следы, не смог сам разобраться, чьи они, и майор Антонов выслал инструктора службы собак сержанта Евстина с овчаркой, и тот, пройдя по расщелку километра два с половиной, увидел перед каменными осыпями чет-

кие отпечатки копыт. Расщелок там разветвлялся, затем круто уходил вниз. Там и начинались осыпи, а перед ними лежала, метра полтора шириной, песчаная полоска. К той полоске и вел сейчас старший лейтенант Ярмышев пограничный наряд.

Когда подошли к ней, Ярмышев скомандовал:

– Давай, Семятин, вправо, а я – влево. Внимательно смотрите. Встреча через десять минут здесь.

Буквально через десяток метров Ярмышев остановился: камешки сбиты, осыпь потревожена. Кто же мог сделать это? Дикий козел обычно обходит осыпи стороной.

– Странно... – вполголоса проговорил старший лейтенант. – Похоже, человек прошел. Один. А через границу вроде много следов. Нужно узнать, что Семятин обнаружил...

Но едва сделал несколько шагов, как увидел бежавшего к нему Семятина.

– Следы. Два каблука. Прыгали через песок несколько человек. Двое не допрыгнули до осыпи, – тяжело дыша, доложил ефрейтор.

Побежали вместе к тому месту, где Семятин увидел следы. Подумав, Ярмышев заключил:

– Здесь пущена группа для отвода глаз. Оттого и наследила она.

Вывод этот был сделан на основе анализа факта. Оставлены отпечатки каблуков неслучайно: полутораметровую песчаную полоску может легко перепрыгнуть любой без всякой подготовки, а тут – на тебе, любуйтесь, пограничники, начинайте погоню по следу.

«Но для чего все это? Куда пойдет одна группа, куда вторая?» – задал себе вопросы Ярмышев, но ответа пока не нашел. Приказал Семятину:

– Выходи на связь с заставой!

4

– Ну как, покурили? – спросил майор Антонов.

В ответ прозвучало нестройное «Так точно», – и старшина скомандовал:

– Становись!

Молодые солдаты быстро построились в две шеренги, подравняли носки сапог, и старшина подал команду:

– Смирно! Равнение на...

– Вольно, – прервал его майор. – Давайте сюда, повыше. Отсюда весь участок как на ладони.

Только на сей раз не пришлось майору Антонову рассказывать новичкам об особенностях участка заставы. Наблюдатель с вышки крикнул:

– Товарищ майор, дежурный поднял заставу «в ружье»! Докладывает, что старший лейтенант Ярмышев сообщил о нарушении границы.

Майор Антонов, не дослушав доклад наблюдателя, махнул рукой солдатам, чтобы они следовали за ним, и побежал вниз.

– Оружие, старшина, молодым выдай и в строй их, – распоряжался он на ходу.

– Есть!

Пока начальник заставы с новичками сбегал вниз с холма, на самой заставе готовились к перекрытию границы и поиску нарушителей: выезжали из гаража машины, от питомника бежали с собаками сержант Евстин и ефрейтор Акимов. Привычная для Антонова картина, поэтому он, казалось, не обращал внимания на все то, что делали сейчас его подчиненные. Вот если бы случилась какая-либо заминка, она непременно бросилась бы в глаза Антонову, и он сразу бы вмешался, поторопил, подсказал.

– Товарищ майор, старший лейтенант на связи, – доложил дежурный по заставе. – Ждет вас.

Антонов быстро прошел к связистам в комнату и подсел к рации. Слушая доклад Ярмышева, он тоже, как и старший лейтенант, задал себе вопрос: «Для чего разделились?»

Узнай попробуй замысел нарушителей! А узнать нужно. Во что бы то ни стало. Иначе – провал. И Антонов думал. Как всегда в таких случаях, был спокоен. Наушники тихо шипели, старший лейтенант, доложив обстановку, ждал приказа. Потом Антонов услышал щелчок и голос Ярмышева:

– Разрешите преследовать главную, по моим определениям, группу? Как поняли меня? Прием.

Вновь щелчок. Вновь тихое, настораживающее шипение. Пауза затягивалась. Но вот решение созрело:

– Следы потеряешь в горах быстро. Время упустишь. Ты, Велен Никифорович, наряд Семятина оставь на месте. Я им инструктора с собакой пошлю, пойдут тогда по следу. Сам, без провололок, – к геологам. Людей я тебе подошлю. Границу дополнительными нарядами перекрой и геологов охраняй. Докладывать на заставу через каждые пятнадцать минут. При изменении обстановки – немедленно.

Антонов решил распределить силы так: Акимова с собакой и наряд Семятина пустить по следу главной группы, так он ее назвал, а к Ярмышеву, для охраны геологов и перекрытия горного участка границы, послать группу самых опытных пограничников. С остальными же пограничниками, в том числе и молодыми, сам выедет к предгорью и начнет поиск.

Начальник заставы начал понимать замысел группового нарушения границы и разделения нарушителей по разным маршрутам. По его мнению, одна группа спустится с гор в степь, другая, меньшая, человека два или три, скорее всего, попытается проникнуть к геологической партии, чтобы совершить диверсию или выкрасть документы. Может, однако, произойти и то, и другое. Взорвут, вполне возможно, вышку, чтобы люди кинулись туда. А в это время выкрадут документы. В общем, главный удар, как оценивал Антонов, нацелен на геологическую партию.

«Усложнили программу, – думал Антонов. – Одиночки не проходили, послали группу. Не унимаются!»

О своем выводе и решении майор Антонов доложил начальнику отряда полковнику Федосееву, и тот, одобрив принимаемые им меры, сообщил, что перекроет все дороги по тылу силами маневренной группы.

Через несколько минут заставка опустела. Остался лишь старшина с отделением солдат, которому Антонов приказал организовать охрану левого фланга участка, если поиск не закончится до ночи.

Машины помчались по пыльному большаку. Вот позади уже Ташхемка, свернули на полевою дорогу, по которой совхоз возил сено, накошенное у подножия гор и в ущельях. Дорога эта, то огибая подошвы хребтов, шла по степи, то углублялась в сенокосные ущелья.

– В ущелья не заезжай. Срезай, – приказал майор Антонов водителю рядовому Кильдяшеву, солдату второго года службы, умелому шоферу, хорошо знающему дороги на участке заставы.

– Есть! – ответил Кильдяшев и добавил: – Грузовик здесь прошел. Совсем свежий след.

– Вижу. Если в дальнее ущелье поехал, может, увидит нарушителей? Это облегчило бы нам поиск.

Кильдяшев повел машину по степи, оставляя слева второе и третье ущелье. Осталось километра два до того места, где, по предположению Антонова, должны спуститься с гор нарушители. Кильдяшев вывел машину на дорогу.

– Теперь потише. Смотри следы, – приказал Антонов и почти сразу же крикнул: – Стой!

Скрипнули тормоза, солдаты, сидевшие на боковых сиденьях, навалились друг на друга, кто-то чертыхнулся, огрызнулась собака. Сержант Евстин строго прикрикнул на нее: «Сидеть!» – и недовольно упрекнул сидевшего рядом с овчаркой товарища из новичков:

– Ноги, не ровен час, повредишь собаке. Держаться нужно.

А Антонов, открывая дверцу, скомандовал:

– Со мной Евстин. Остальные на месте. Можно курить, – и выпрыгнул из машины. За ним – Евстин с овчаркой. Прошли они немного назад, подали сигнал второй машине не подъезжать близко. Майор достал сигарету, прикурил.

– Давай, сержант, разберемся, что здесь произошло. Вот отсюда кто-то вышел на дорогу. Здоровый мужчина. Размер сапог – сорок пятый, не меньше. Машина тормознула. Проголосовал, видимо. Справа обошел. Залез в кабину. Со стороны шофера подошла группа. По следам – четверо их. Торопливые, беспорядочные следы, в кучу сбитые, будто не люди, а бараны бежали к кабине. И назад эти же следы с дороги уходят кучей. А вот возвращаются. К кузову машины. Машина повернула в степь.

«Похоже, захватили. А что сделали с шофером? Где он? Из кузова его вытаскивали, а что дальше? С собой взяли? Или...»

– Товарищ майор, – прервал Евстин размышления Антонова. – Собака в ущелье тянет.

– Давай за ней.

Метрах в двадцать от дороги, в кустах около родника, увидели совхозного шофера с пробитой головой. Антонов приложил ухо к груди шофера – толчки сердца были едва различимы.

– Давай ближе к воде. Окажем первую помощь.

Они осторожно перенесли раненого к самому роднику, и Евстин достал индивидуальный пакет.

Солдаты в это время, продолжая сидеть в машине, обсуждали случившееся. Когда машина резко затормозила, и майор с Евстиным выпрыгнули на дорогу, Кильдяшев пояснил:

– Следы на дороге. Большая группа.

Все поняли, что начальник заставы не разрешил вылезать всем, чтобы не помешали собаке, но каждому хотелось лично посмотреть на следы, изучить их, а потом сравнить с тем, что скажет сержант Евстин и начальник заставы. Сидели молча, с нетерпением ожидая команды майора. Только Рублев, достав сигарету и прикурив, протянул развязно, с нажимом на «р».

– Пр-рекр-расно. Посидим, подымим. Пес с нежными лапами, до котор-рых сер-ржант даже дотр-рагиваться сапогами не р-рекомендует, отыщет шпионов. Пр-риведет их и скажет: любуйтесь, р-разлюбезные салажата, на матер-рых диверсантов. Потр-ряс! Напишу чувихам в Москву: ловил шпионов, не выходя из машины, вдыхая сладкий дым сигар-реты, пар-ры бензина и р-разглядывая сер-рый бр-резент.

– А пупок крепкий у тебя? – спросил Рублева Кильдяшев.

– Маман глаголила, шелком будто пер-ретьягивали.

– Ну, тогда еще ничего. Тогда, может, выдержишь. Смотри только...

Но куда должен смотреть Рублев, он так и не узнал: прозвучала громкая команда майора:

– Выходи!

Солдаты начали торопливо выскакивать из машины и собираться возле майора, который разговаривал по рации с заставой, время от времени поглядывая на Евстина, который у родника бинтовал голову какого-то человека.

– Шофер совхозный, – сказал Кильдяшев, достал сигарету и зажигалку – изящный никелированный пистолетик.

– Ого! Потр-рясная штучка! Дай-ка посмотреть, – протянул руку Рублев. – Женщины-гер-роини убивали министр-ров цар-ря-батюшки. Чувих потр-рясно пугать этой штучкой.

– О чем мысли твои?! Человек вон, почитай, убитый. А впереди, что еще ждет нас? – с неприязнью обрубил восторженный монолог Рублева Кильдяшев. – Ты лучше следы изучи. Для пользы дела. В нашей службе знание следов – основа всего.

С явной неохотой присоединился Рублев ко всей группе, которая обменивалась мнениями вполголоса, чтобы не мешать начальнику заставы разговаривать по рации.

– Машину, выходит, угнали нарушители.

– Все как на ладонке. Надолго теперь поиск.

– Да уж, поколесим теперь по степи.

– Будет что стар-рухам чер-ркнуть, – с торжественной радостью протянул Рублев. – Машина исчезает в пустыне! Или... С пробитой головой шофер!

– Как у тебя язык поворачивается?! – оборвал его ефрейтор Бошаков.

– А что я? Нежные девичьи ушки могут завянуть? Да?

– Замолчи!

Майор Антонов закончил разговор с заставой, солдаты без команды выстроились в одну шеренгу, и Антонов обратился к группе.

– Обстановка усложнилась. План поиска меняется.

Он достал карту участка и показал всем, где расположились заслоны соседней заставы и отряда и по каким маршрутам предстоит пройти машинам. Старшим второй машины он назначил сержанта Евстина, разделив людей на две группы. С собой взял из «старичков» ефрейтора Бошакова и рядового Карандина.

Машина с группой Антонова рванулась в степь. Майор взглянул на часы: старшина наверняка уже доложил обстановку в отряд, и, вполне возможно, подполковник Федосеев поднимет приданный отряду вертолет. Наверняка поднимет. А нарушители километров с десятков успели отмахать. Дальше и дальше в тыл? Вряд ли. Та, меньшая, но главная группа может пойти в тыл, но тоже маловероятно. Она двинется к геологам. К ним, это уж точно. А эта группа, посланная для отвода, поколесит день по степи и станет назад уходить. Но каким путем? Хорошо бы разгадать, где она намеревается возвращаться, там и засад побольше устроить.

Граница вроде бы плотно закрыта. Вероятность уйти назад безнаказанно равна почти нулю. И у реки, и в горах, и по тылу все выходы из ущелий под наблюдением держит сержант Евстин с группой. Секреты к ночи выставит, но и патрулировать на машине не прекратит. Вряд ли смогут прорваться. А если к геологам сунутся, старший лейтенант встретит. Соседи тоже достаточно нарядов поставили.

– Товарищ майор, степь дымит впереди, – доложил водитель. – Похоже, пал идет. Не повернуть ли к горам, пока не поздно?

– Вижу я. Держи по следу.

След грузовика, хоть не очень отчетливо, но виден. Он отклоняется правей и правей, к реке, и майор начинает понимать замысел нарушителей, когда же увидел дым на горизонте, окончательно убедился в правоте своего предположения. Группа отвода, как теперь майор ее мысленно назвал, спешит к старому руслу. Там, на разливах, запутает следы, пересидит денек-два, а то и побольше в камышовой чащобе, потом попытается прорваться, используя тугаи, за кордон. Степь подожгли, чтобы пограничников, если они станут преследовать, задержать на несколько часов. А там, у конца разливов, если туда путь держать, чабаны. Беззащитные. Никого к ним не послал.

«Просчитался я, – упрекнул себя майор. – Как бы чабаны не пострадали. Спешить нужно. Возвращение к горам много времени отнимет. Только – вперед».

Остановились, чтобы доложить начальнику отряда обстановку и окончательный вывод по поводу намерений нарушителей – вновь вперед. Навстречу палу. Он все ближе и ближе. Теперь уже казалось, дымит вся степь.

– Назад бы нужно, товарищ майор, – снова посоветовал Кильдяшев.

Антонов ничего не ответил. У него уже родилась дерзкая мысль сделать то, о чем как-то на охоте рассказывал ему Дорофей Янголенко. Был тот в степи на коне. А тут пал идет. С ветром. Не выбрался б, если не пустил бы встречного пала.

«Пустим и мы».

Машина, правда, не лошадь, бензин от жары может взорваться, и все же есть необходимость рискнуть.

– Мы так сделаем, – прервал в конце концов молчание Антонов. – Как до пала останется километра три, сами подожжем степь. На выгоревшем месте и пропустим пал мимо себя. Бумаги бы вот только побольше.

Только у троих оказались письма в карманах. Мало. Обшарили еще раз карманы – нет больше ничего. Водитель вспомнил:

– В бардачке газеты есть. Две или три.

Достал Антонов газеты, разорвал на четвертушки и раздал солдатам.

– Спички и зажигалки приготовьте.

Остановились. Ветер бил в лицо. Горячий. Сухой. Пропахший гарью. С ключьями дыма и горячим пеплом. По всей степи, сколько глаз видит, стелется огонь, а впереди него одичало несутся сайгаки, лисы рядом с зайцами и волки. Улепetyвают куропатки, не взлетая, опасаясь искр, которые поднимаются пучками и, подхватываемые раскаленным смерчем, крутятся искрящимися воронками. Оглянулся Антонов: горы гигантской многопалой рукой уперлись в степь. Коричневым камнем поблескивают на солнце хребты-пальцы, между ними – зеленые тенистые ущелья. Там иссякнет огонь в сочной траве, остановится у опаканных стогов, остудится в звонких, холодных, как лед, ручьях. Вернуться бы туда, и опасности никакой.

– Поджигай!

Высушенная летним зноем степная трава вспыхнула, как порох. Вскоре огонь слился в одну полосу и, подгоняемый ветром, побежал к горам. Пограничники ждали, чтобы немного остыла выжженная земля, а пал, от которого они намеревались отгородиться этой выжженной землей, все ближе и ближе.

– Давай, Кильдяшев, на выгоревшее, – скомандовал Антонов, шупая ладонью землю, затаптывая дымившиеся еще корневища. И едва увернулся от налетевшего было на него гурана. Рогастого, грозного, видимо, в боях с соперниками, но теперь оторопевшего от соседства с человеком. Что в тот момент творилось в его рогатой башке, как отгадаешь, только он не кинулся сломя голову вперед, за полосой огня, а остановился, гордо вскинув рога. Готовился, видимо, дорого отдать свою жизнь. Солдаты же, начавшие, как и майор Антонов, притаптывать дымившиеся корневища, с улыбкой обходили его, стараясь вроде бы не замечать. И чудо: на выжженную полосу, вбегали гураны и кучились возле рогача, к ним же теснились зайцы, и даже одна рыжая лисица не побоялась людей и пятившегося от кромки несгоревшей травы газика.

А пал уже в паре сотен метров. Смерчи крутят воронки искр, бросают их на сухую траву, и вспыхивает она факелами. Солдаты то и дело вытирают потные лица, а газик пятится и пятится от полосы еще не сгоревшей травы. С ним вместе отступает и спасавшаяся на еще дымившей корневищами полосе степная живность. Даже с полусотни куропаток, пугливо зыркавших своими глазками-пуговками на людей и машину.

– Жарко. Дошвырнет смерч до мотора искры, вспыхнуть он может запросто, – предупредил Кильдяшев. – Подальше бы от машины всем отойти. Один буду тут. Справлюсь, если что.

– Герой... – покачал головой Антонов и подошел к мотору. Кильдяшев рядом встал. С другой стороны зашли ефрейтор Бошаков и рядовой Карандин. И молодые солдаты вслед за ними облепили мотор. Прикрыли его от искр. Только Рублеву места не хватило. Вроде бы вместе со всеми, а все же сбоку, у дверцы. И голову в плечи втянул, съежился, словно палкой на него замахнулись.

Огонь лизнул последние перед выгоревшим участком кустики полыни и ковыля, зачах, зачадил, только справа и слева продолжал пал нестись с шумом и треском, будто стремился догнать тот огонь, который зажгли солдаты, и уничтожить его.

– Ну что? Вперед, Кильдяшев?

– Есть, товарищ майор!

Отвратительный пропахший гарью воздух, жара знатная. Спадет она сразу же, как сядет солнце, но Антонов не торопит светило, о другом думает: успеть бы засветло доехать да начала камышовых разливов. Может, удастся догнать нарушителей. Трудно иначе придется: на разливах следы потеряешь. Это – как пить дать. Спешить нужно. Быстрей. Только не упрекнешь водителя в медленной езде, не поторопишь его, ибо он выжимает из газика все, что может выжать. В то же время смотрит вперед внимательно, чтобы не влететь в копай-город (изрытый норами сусликов участок степи), из которого только тросом придется вытаскивать машину или на руках выносить.

– Все черно. Не сразу различишь копай-город, – вроде бы самому себе говорит Антонов, затем мечтательно добавляет: – Врезались бы нарушители в копай. Славненько было бы.

Усмехнулся, подумав с упреком: «На авось надеешься. Молодец».

Все дальше и дальше от гор бежала машина, скоро балка неглубокая, за ней – бугристый участок километров пять, а там и до старого русла рукой подать. Там начнут попадаться чабанские юрты, и камыш на разливах станет виден.

Спешит газик, поднимая черный пепел, и тянется он за ним длинным-длинным шлейфом. И солнце все ниже и ниже, будто хочет встретиться с сажным шлейфом и укрыться в его черноте.

«Успеем все же до заката, – определяет майор Антонов, – обязательно успеем».

Миновали распадок. На буграх трава не горелая. Видать, от распада ее и подожгли. И то верно. На буграх трава зеленая, не вдруг ее подпалишь.

Проехали бугры. Вот и первая юрта. Навстречу волкодавы стаей кинулись, намереваются укусить за колеса. Как моськи на слона. Рассмеяться бы, глядя на эту картину, но загорелое лицо майора хмурится, белесые брови сдвинуты. Крикнул на собак:

– Пошли прочь!

А собаки еще яростней кинулись в атаку на «газик», залаяли со злобной хрипотцой. Если нарушители недалеко, услышат, насторожатся, поспешат укрыться в камышах. Пострелять бы всех этих собак, но это из области фантастики. Даже стукнуть собаку не могли, если не хочешь получить недруга надолго. Да и как чабану оставить такое без обиды – ему нельзя без собак. Волк ли на овец нападет, недобрый ли человек появится – волкодавы защитят и отару, и своего хозяина.

Из юрты вышел чабан. Высокий. Худощавый. Редкая седая бородка клинышком. Зычно крикнул на собак, и они, опустив хвосты, побрели медленно к юрте, в тень. Ни одна больше даже не покосилась на газик.

Удивительно послушны чабанские собаки. Как их приучают к подобному послушанию, одному богу известно.

– Дорогой гость к юрте подъехал, хозяину радость, – приложив правую руку к сердцу и слегка кланяясь, приветствовал чабан. – Кумыс ждет тебя Игорь-ага. И солдат твоих тоже.

– Спешим, аксакал. Извини нас. Скажи, машину видел?

– Нашу видел. Вон там прошла, степью. Быстро бежала. Как журга застоялая. Думаю, баскарма за барашком срочно послал.

– Не посылал ее директор совхоза. Давно прошла?

– Пыль не осела еще.

– Нарушители, аксакал, на той машине ехали. В разливы хотят уйти, – сказал Антонов. – Нужно быть осторожным. Другим чабанам передай. Если дотемна не задержим, позову всех вас на помощь.

– Все понял, Игорь-ага. Лошадь к юрте привязана. Сейчас же поскачу.

Антонов знал, что очень скоро все чабаны, какие пасут отары в районе разливов, будут знать о нарушителях, Умеют в степи передавать новости молниеносно, хотя и расстояния здесь большие.

Попытался было Антонов поначалу, когда принял заставу, понять, как такое возможно, даже расспрашивал местных жителей, но все, будто сговорившись, отвечали одно и то же: «Узун кулак». С улыбкой отвечали. И тут же переводили: «Длинное ухо». Больше никаких пояснений не давали. Сейчас это самое «длинное ухо» сработает безотказно, как срабатывало столетиями. Одно вот только плохо: нарушители, наверняка, уже у разливов и может пострадать кто-нибудь из тех чабанов, которые пасут овец близ них. И Антонов снова, уже какой раз, упрекал себя за промах.

«Мог бы сразу разгадать замысел нарушителей. Машину бы у директора совхоза взял и – прямиком сюда. Давно бы она здесь была. Давно бы “узун кулак” сработал. Теперь не вернешь упущенного».

Теперь остается одно – жать на газ до упора. Что, впрочем, и делал водитель. Он тоже понимал сложность обстановки. И все же Антонов не удержался. Подбодрил водителя:

– Давай, Кильдяшев, давай! Не снижай скорости.

Майор видел, что как ни старались держаться солдаты за борта газика, их то подбрасывало вверх, благо брезент мягок, только фуражки слетали, то толкало друг на друга, и уж наверняка на боках у них появились синяки от ударов о приклады и рожки автоматов. Сказал, словно для себя:

– Чуток потерпеть осталось. Скоро разливы. Вон уже юрта видна.

Метрах в двухстах от камыша, на возвышенности, стояла юрта, как большой белесый колпак, надетый на макушку скрытой в земле головы. Справа виднелась еще одна. Эта стояла совсем рядом с камышами. Сбоку, в нескольких десятках метрах от юрты, – загон для овец, обнесенный невысокой камышовой оградой.

За загоном – грузовик. Издали видна только кабина.

«В юрте ли нарушители? Или уже ушли? Если в юрте, встретят огнем и кинутся в разливы», – предположил майор и скомандовал:

– Остановись вон в той лоштинке. Машина стоит у юрты.

Все сразу повернули головы к ветровому стеклу. Кто сидел поближе к нему, увидел машину и возбужденно делился увиденным с товарищами:

– Вон кабина видна. За камышовой изгородью!

– Карандин с Рублевым, – прервал возбужденность солдат Антонов, – по ложине заходят слева к юрте. Бошаков и Батрединов – в камыши. В засаду напротив юрты. Все остальные за мной к грузовику. По юрте не стрелять. Кильдяшев, выманите их. Отсюда – в степь, обратно прямиком к юрте. Чтобы увидели или услышали. С перегазовочкой шумной. Посигналь, как останется метров с полсотни. Собак бы раньше времени не всполошить.

– Вряд ли всполошатся, – высказал свое мнение Бошаков. – Чабан давно их усмирил. Не посмеют ослушаться.

Предположение Бошакова оправдалось. Все произошло без вмешательства собак. Когда пограничники покинули газик, он выехал в степь, описав полукруг, направился на юрту. Кильдяшеву видно, как, прижимаясь к камышовой стенке, Карандин с Рублевым подходят к юрте. Карандин впереди метров на пять. Еще несколько шагов – и он дойдет до угла загона.

«К машине тоже подошли, должно быть, – прикидывает Кильдяшев, – и в камышах уже укрылись. Пора сигналить».

Только собрался нажать на сигнал, полог юрты откинулся, двое из нее выскочили. Автоматы вскинули и начали стрелять по машине очередями. Пуля пробила ветровое стекло, Кильдяшев пригнулся; одной рукой продолжая рулить, другой достал из гнезда автомат. Но что это

дало? Ответную очередь не дашь: за спиной нарушителей юрта, а в ней чабаны. А пуля – дура. Он просил мысленно Карандина с Рублевым:

«Полосните!»

Еще одна пуля вонзилась в стекло, жикнула около уха подпилком, осколки мелкие в щеку ударили.

«Что медлит Карандин?»

А Карандин не медлил. Услышав автоматные очереди, кинулся вперед, к углу, и, вскинув автомат, нажал на спусковой крючок. Один нарушитель неуклюже завалился на бок, второй дал ответную очередь. Как огнем обожгло Карандину левое плечо и руку ниже локтя – автомат выпал. Упал и сам рядом с ним. Здоровой рукой подтянул его к себе, оперся, со стоном, на раненую и выпустил очередь по убегающему к камышам нарушителю. Тот вздрогнул, остановился на миг и побежал, прихрамывая, дальше. Карандин больше стрелять не мог: раненая рука не держала оружие. Он зло выругался, но в это время увидел «газик», который резко остановился, дверца резко открылась, Кильдяшев прошил очередью камыш, но пули, однако, не зацепили нарушителя – он укрылся в непроглядной камышовой густоте.

Вспыхнула в это время стрельба у грузовика, Помочь бы, но встать не может. Вспомнил Рублева.

«А молодой где? Молчит. Не убит ли?»

Оглянулся. Рублев лежал, прижавшись к камышовой стенке. Голову прикрыл автоматом. Карандин крикнул:

– Рублев! С тыла ударь!

Рублев зайцем скакнул к юрте, но дальше не осмелился сделать ни шагу. Прижался к мягкому волоку, словно прилип. Автомат выставил перед собой и нажал на спусковой крючок.

Газик в это же самое время обогнул юрту. Донесся крик Кильдяшева:

– Бросай оружие!

Стало тихо. Совсем тихо. Рублев выскочил из-за юрты, но – к шапочному разбору: один нарушитель лежал вниз лицом, двое других подняли руки; Кильдяшев с автоматом наизготовку на подножке своей легковушки, майор Антонов, с пистолетом в руку подходил к нарушителям. Невысокий, но широкоплечий, потная гимнастерка словно прилипла к его мускулистой груди.

Когда на руки нарушителей надели наручники, Рублев доложил начальнику заставы:

– Товарищ майор, ранен... – замолчал. – Забыл фамилию...

– Карандин?

– Так точно.

Майор Антонов подал индивидуальный пакет Рублеву и приказал:

– Перебинтуй Карандина. Поспеш!

Затем Кильдяшеву.

– И ты к нему давай. Занесите в юрту.

Рублев подбежал к Карандину и, присев на корточки, принялся, расстегивать воротник гимнастерки, по-своему оценивая факт ранения.

– Дико тебе повезло. Мог бы ковыр-нуться совсем. Замотаем сейчас дырочки твои...

– Что? Снова осмелел? – с неприязнью спросил Карандин.

Рублев хотел что-то ответить, но подошел Кильдяшев, отстранил Рублева, автоматным штык-ножом полоснул гимнастерку от воротника до манжеты. Затем, приподняв Карандина, принялся бинтовать рану. Из юрты вышла хозяйка. Увидев раненого пограничника, всплеснула руками «Ой-бой!» и – обратно в юрту. Минуты не прошло, идет с полной кисой кумыса и подает Карандину.

– Пей, дорогой. Сразу легко станет. Все пей. До дна пей.

А начальник заставы уже допрашивает задержанных. Не дал им времени прийти в себя после проигранной перестрелки.

– Куда пошла вторая группа?

– Какая еще группа?! – спросил один из задержанных, зло глядя на майора. – Мы одни! Погулять пришли. Про гибель отцов наших напомнить!

– Ишь ты, мститель хреновый! А ты что скажешь? – обратился майор к другому задержанному, краснолицему, с явно испуганным взглядом. – Твое слово?

– Одни мы. Одни...

И съежился.

– Мне достоверно известно, что границу перешли две группы. Где вторая? Вы разошлись в горах. Куда вторая направилась? Учтите, вас будут судить, и если вы...

– Мы не знаем, – прервал Антонова краснолицый. – Мы не знаем. Нам никто ничего не сказал.

– Вы должны понять, что ваша дальнейшая судьба зависит только от вас. Искренность смягчит вашу участь.

Задержанные молчали. Им было велено под страхом смерти ничего не рассказывать о напарниках, оставшихся в горах. Они боялись возмездия со стороны тех, кто послал их сюда. Но и запереться смысла не было, ибо понятно им, что о тех, кто ушел в горы, пограничный начальник уже знает. Кто известил его? Провал явный, но не по их вине. Пусть отвечает тот, кто предал их. А разбираться и искать виновного, кишка у них тонка. А майор настойчив:

– Когда и где вы должны вернуться? Когда и где?

– Завтра ночью. По старому руслу и по тугаям.

– Кого ждать сутки?

– Тех двоих.

– Верно он сказал? – спросил Антонов у второго нарушителя.

– Да.

– Сразу разошлись вы с ними?

– Нет. Один наверху еще свернул, второй, когда спустились в лощину. Взял у меня рюкзак. Тяжелый был. Взрывчатка, думаю.

«Не пойдут те сюда. Нет. Эта группа послана на провал, – уверенно заключил майор Антонов. – Те, основные диверсанты, сами будут уходить. Совершив диверсию».

– Глаз с них не спускайте, – приказал Антонов бойцам и пошел к машине, чтобы, выяснить, нет ли новостей с гор, после чего доложить начальнику отряда обстановку.

Застава ничего нового не сообщила. Поисковая группа потеряла след в горах и не может его никак найти. Майор приказал двигаться ей спешным порядком к геологической партии и вызвал начальника отряда.

Выслушав Антонова, тот распорядился послать в камыши за скрывшимся нарушителем небольшую группу солдат во главе со старослужащим, привлечь к поиску чабанов, хорошо знающих разливы, раненого отправить в совхозный медпункт, откуда его заберут в отряд, с остальными же пограничниками поспешить в горы.

– Нельзя допустить акта диверсии. Нельзя и дать им возможности уйти за кордон, – строго предупредил он.

5

Машина остановилась у конторы. Ярмышев прошел в кабинет главного инженера, постучал в дверь и, открыв ее, увидел Божену и Кондрашова, склонившихся над столом. Они рассматривали через лупу камень. Не из тех, которые принесла прежде Божена, а другой, немного больше. На лицах – радостное возбуждение. Они подняли головы, и Божена с удивлением воскликнула:

– Ты вернулся?

И, смутившись, зарделась. А Кондрашов развел руками. Картинно.

– Неисповедимы тропы пограничников. Вот поистине не знаешь, где мелькнет зеленая фуражка. Дела службы к нам, Велен Никифорович, или?..

– Нарушена граница. Возможна диверсия у вас. Соберите, Иван Георгиевич, геологов. Только хотелось бы без лишнего шума.

– Велен! – воскликнула Божена. – Это опасно?

Ярмышев, пожав плечами, улыбнулся.

– Вполне возможно. Только пограничникам не привыкать. Нами путеводит пословица: волков бояться – в лес не ходить.

– Вы точно знаете, – прервал старшего лейтенанта Кондрашов, – что нарушители обязательно посетят с недобрым намерением нас? Или это лишь ваше умоzakлючение?

– Умоzakлючение. Прошу вас поторопиться со сбором людей. Но на буровых вышках оставьте по два человека. Днем нарушители вряд ли рискнут что-либо предпринять, однако оголять вышки не следует.

Кондрашов, кивнув, бросил: «Одну минуточку», – и обратившись к Божене, заговорил приказным тоном:

– Сходите на дальний шурф. Пусть все идут сюда.

Ярмышев хотел возразить, что не следует девушку посылать сейчас так далеко от поселка, но, перехватив ее взгляд (она с благодарностью смотрела на главного инженера), промолчал, а про себя подумал с явной досадой: «Рада, что Кондрашов послал на шурф. Почему? Не хочет со мной оставаться?»

Ярмышев заблуждался. Божена даже не думала, что Велен может ревновать ее к Ивану Георгиевичу. Он ее начальник. Внимателен к ней не как к девушке, а как к талантливому специалисту. Он сам ей говорил о ее способностях, предложил даже писать кандидатскую диссертацию по материалам геологической партии, обещал помочь. Она досадовала на себя за то, что краснела, когда Велен заставлял ее вместе с Кондрашовым – она не виновата ни в чем, она на работе и нисколько не любит главного инженера. Он одет модно и опрятен всегда – это хорошо. Каждый хорошо воспитанный человек должен следить за собой. И она тоже приоделась и прическу изменила не для Кондрашова, а для Велена. Чтобы ему нравиться. Нет, Божена не винила себя ни в чем, она была бы рада сейчас остаться с Веленом, разгладить его строгие складки на переносице, но с не меньшей радостью она восприняла просьбу Кондрашова: она соприкасалась с тем, чем живет Велен, помогала ему и, если ей придется встретиться с опасностью, не струсит.

– Я бегом, Велен. И всем скажу, чтобы спешили, – пообещала Божена и быстро вышла из кабинета.

– И я вас покину. Пойду распоряжусь. Поскучать пока придется. Но ведь... – замолчав, Кондрашов развел руками и пожал плечами: не обессудь, мол, сам принес беспокойство.

Оставшись один, Ярмышев подошел к висевшей на стене схеме геологической партии и принялся обдумывать, сколько где разместить нарядов, в каком месте устроить засаду силами пограничников, охрану каких участков поручить самим геологам. Он знал, что часть солдат прибудет сюда, остальные перекроют границу, а по следу идут ефрейтор Акимов с собакой и наряд Семятина. Взяла если собака след, не потеряет его. Задержит эта группа нарушителя (Ярмышев не разделял предположение своего командира и считал, что нарушитель, скорее всего, один), и тогда все эти приготовления окажутся бесполезными – Ярмышев даже представил себе, как Кондрашов скажет своим мягким приятным голосом: «Умоzakлючение не подтвердилось практикой», – разведет картинно руками, мы, дескать, не виноваты в том, что не смогли ничем помочь.

И странная мысль мелькнула у старшего лейтенанта. Ему захотелось, чтобы группа Акимова не смогла задержать нарушителя, который бы пришел сюда, не в тыл, а именно к геоло-

гам, чтобы обязательно при нем была взрывчатка, оружие и чтобы он, Ярмышев, сам лично задержал диверсанта. Пусть посмотрит Кондрашов, а то «Вы точно знаете... Или это ваше умозаключение?» И Божена пусть посмотрит. А то ушла, обрадовалась, что Кондрашов поручение дал.

Но тут же Ярмышев остепенил себя: «Размяк! Идиотские мысли лезут».

Однако думать о Божене не перестал. Он смотрел на схему геологической партии, а мысли уводили его на берег ручья, где он первый раз встретился с Боженой, в гостинице геологической партии в центральном совхозном поселке, где он заговорил с ней о свадьбе. Но вот он, словно в яви, увидел ее в кабинете главного инженера, где она в модных сапожках, в мини-юбке, с пышной прической склонилась вместе с Кондрашовым над столом, и щеки их почти соприкасались – Ярмышев смотрел на схему, но видел ее вспыхнувшее краской смущенности лицо, виноватый взгляд синих глаз и будто чувствовал легкое прикосновение ее маленьких пальцев к переносице. Сердце Ярмышева тоскливо сжалось.

«Нет! Так нельзя! – приказал он сам себе. Прошелся по кабинету несколько раз, пытаюсь отвлечься от личных переживаний и перестроить мысли только на подготовку к возможной встрече диверсанта. С трудом, но удалось. Но тут иная недолга: – Что же солдаты не едут?! Пора бы».

И чтобы совсем прийти в себя, вышел на крыльцо. Не мог больше оставаться один на один с беспокойными мыслями. И верно поступил. Вроде бы сам по себе начал складываться план общих действий.

Начали подходить геологи. Здоровались с ним, проходили в кабинет Кондрашова. Подъехала и машина с пограничниками. Шестеро солдат и водитель. Ярмышев приказал солдатам тоже заходить в кабинет главного инженера, водителю же отъехать подальше от конторы и поставить машину так, чтобы она не очень бросалась в глаза.

– Припаркуй вплотную к какому-нибудь домику, чтобы со скал ее не было видно.

Осталось одно: связаться с заставой, узнать новое по обстановке, и тогда уж ставить совместные задачи геологам и своим бойцам.

«Распределяю всех по своим местам, а сам съезжу к границе, – решил он. – Проверю наряды».

Вернувшись в кабинет Кондрашова, спросил:

– Знаете, почему оторвали от работы?

– Толком-то нет... Нападение вроде бы готовится на нас... Не учеба ли пограничная, прикидываем, с нами запланирована?

– Что не учеба, то – точно. Вот соберутся все, объясню подробно. О своих делах поведайте, если не секрет. Как успехи?

– Дела наши лучше некуда. Богатейшую кладовую открываем, – подошел к схеме один из геологов. – Мы прежде вот в этом направлении вели поиск, не совсем удачно шло дело. Ни шатко ни валко. А новенькие, Кондрашов с Панковой Боженой, вашей невестой, провели расчеты и обосновали теоретически, что вот сюда пласты идут, – геолог показал на схеме направление, где были обозначены новые буровые вышки и новые шурфы. – Повернули мы сюда. Буровую поставили, не снимая пока что первую, шурф пробили. Дальним назвали, вы знаете его, ходили туда, и вот – успех! Поистине промышленные запасы. Теперь еще пробьем пару шурфов подальше. Подтвердятся прогнозы – быть здесь городу. А Божене, молодому специалисту, материал для диссертации. Кондрашов ей пособит.

И замолчал: в кабинет вошел главный инженер с группой геологов. Оглядев собравшихся, похвалил:

– Все здесь кроме дальнего шурфа. Похвально. Очень похвально. И с дальнего тоже вот-вот подойдут. Военная дисциплина, не правда ли, Велен Никифорович?

Ярмышев слушал Кондрашова, не вникая в смысл слов: он был потрясен услышанным.

«Диссертация! Она ни слова не говорила о ней. Ни слова. Скрывала, неуверенная пока что в окончательной победе их с Кондрашовым расчетов? Нет. Нет-нет! Нет, тут другое. Считает, что не смогу понять. Или хочет скрыть, что Кондрашов вызвался помочь?!»

Он вдруг отчетливо понял, отчего Божена так уклончиво ответила на его предложение о женитьбе.

«Не была уверена в успехе их расчетов с Кондрашовым. Ждала результата», – предвидя конец их близких отношений, отрешенно думал он, но вместе с тем не мог не гордиться Боженой: она, молодой специалист, недавно приехавшая в партию, предложила изменить направление поиска и сумела обосновать свое предложение (Ярмышев сейчас был уверен, что именно она одна провела теоретические расчеты, а Кондрашов примазался к ней) – теперь он вполне осознал глубинный смысл ее слов, сказанных однажды: «Не могу бросить свою мечту...»

Пришли геологи с дальнего шурфа. В кабинете стало тесно. Многим не хватило стульев, и они столпились у двери. Кто-то предложил принести стулья из другого кабинета, но Кондрашов сказал, что не стоит терять на это время.

– Язык военных скуп и конкретен.

– Действительно, я долго не задержу, – кивнул Ярмышев и, сделав небольшую паузу, начал рассказывать об обстановке: – Несколько человек нарушили границу. Поиск их ведет застава и отряд. Мы предполагаем, что нарушителей интересует прежде всего ваша геологическая партия.

– Хотят, стало быть, узнать, что мы здесь ищем, – бросил кто-то реплику.

– Да, хотят, – ответил Ярмышев, – поэтому я обращаюсь к вам за помощью. План таков: сейчас половина из вас разойдется по своим рабочим местам. Примерно через час сделайте так, Иван Георгиевич, будто что-то произошло на старой буровой. Демонстративно направьте туда людей со всех шурфов и новой буровой. Целесообразно и ночью продолжить устранение аварии. Необходимо создать видимость этой аварии. Может, еще кое-что придумаете. На ваше усмотрение. Лишь бы фальши не чувствовалось. Это – главное из главных. Один пограничник на всякий случай будет к вам придан. Остальные геологи, физически более крепкие, пусть останутся здесь. Задачу получают дополнительно.

Ярмышев подождал, пока главный инженер разделил людей на две группы и с первой вышел из кабинета, тогда, окинув взглядом оставшихся, начал объяснять суть своего замысла.

Он назвал фамилию пограничника, переписал геологов и поставил им задачу, где расположиться, какие направления взять под наблюдение. Всем остальным Ярмышев велел осторожно, когда совсем стемнеет, выдвинуться на вторую буровую вышку и залечь вокруг нее группами так, чтобы в каждой был пограничник и два геолога.

– Я тоже буду там, – добавил он.

Они договорились об условных сигналах, после чего старший лейтенант поехал к границе.

В какой уже раз он сегодня ехал по этой хмурой дороге, но сейчас особенно внимательно смотрел на зубчатые скалы, не укрылся ли где нарушитель? И хотя Ярмышев понимал, что диверсант не лыком шит, не станет мельтешить близ дороги, наверняка выберет маршрут в стороне от нее, но все бывает... Вот он и всматривался в каждый расщелок, а если какая из скал казалась ему удобным укрытием для нарушителя, даже подавался вперед, будто хотел увидеть, что там – за ней.

Встретился первый наряд. Все в порядке. Старший лейтенант приказал, как стемнеет, сменить место, залечь там, где дорога от геологов выходит из ущелья. Поехал вправо. Остался тоже доволен: наряды замаскировались отменно. Если бы не условные сигналы, которые подавали пограничники, никого бы не заметил.

– Давай обратно к геологам, – приказал Ярмышев водителю.

Вечерело. Солнце побагровело и, казалось, стало холодным. От скал в ущелье протянулись пики-тени, становясь с каждой минутой все длиннее и длиннее.

– Поднажми. Успеть бы до темна.

– Есть, – ответил Кочанов и прибавил газу.

Хмурые скалы проносились мимо. Вершины их были освещены закатным солнцем, но темнота уже заползала в ущелье, и все, к чему она прикасалась, становилось тусклым и злобещим.

– Странные горы. Давно здесь, а не могу привыкнуть. То от их красоты дух даже захватывает, – словно самому себе говорил Ярмышев, – то в душу робость вгоняет, ни отделаешься от нее. Очень странно, – потом, уже обращаясь к водителю, распорядился: – В долину как завернем – остановка. Переговорю с заставой.

– Ясно.

Небольшой поворот и – долина. Тускло она освещена заходящим солнцем, которое медленно, но неотвратимо опускалось в седловину между двумя снежными пиками. Там, где оно задевало своими круглыми боками за лед, вспыхивали кровавые всполохи и веером рассыпались по небу. Ярмышев с минуту любовался картиной заката, прекрасной и тревожной, затем включил рацию.

– Удод... Удод... Я – Ястреб. Как слышите меня. Прием...

Радостная новость с заставы: группа отвлечения задержана. Только один скрылся в камышах. Главных – двое. У них – взрывчатка. Начальник заставы передал, что наряд Акимов потерял след и получил приказ спешно двигаться к геологам. Приказано сделать все, чтобы диверсию предотвратить.

«Буровые надежно прикрыты, – принялся анализировать свои действия Ярмышев с учетом более ясных данных. – На ту, где народ авралит, не сунутся. На другой – засада. Охрана поселка и конторы слабовата. Самому придется остаться. И геологов снять из засады нужно. Поскорей бы Акимов со своими прибыл».

Старший лейтенант, выключив рацию, скомандовал водителю:

– Вперед!

Дальше ехали молча. И только когда въехали в поселок, Ярмышев поставил задачу водителю:

– Придется тебе на время оставить баранку. Припаркуй машину в укромное местечко и – на вторую буровую. Предупреди, что я останусь в поселке. Насторожи, чтоб смотрели в оба. О взрывчатке скажи. Потом – обратно. Быть наготове, но без сигнала не двигаться никуда.

– Так точно!

Пока доехали до поселка, совсем стемнело. Водитель поставил машину за третьим домом от конторы, почти вплотную к стене, и поспешил на вторую буровую, а старший лейтенант собрал всех оставшихся для охраны поселка, рассказал им о своем разговоре с заставой, затем добавил:

– Иное решение я принял. Разбейтесь на две группы. С гитарами. Гитары есть?

– Как геологу без гитар? Конечно, есть, – подтвердили ему о наличии гитар сразу несколько человек.

– Вот и ладно будет. В крайних домиках справа и слева на крылечках соберитесь. В комнатах свет пусть горит. Вам лучше будет видно. Определенно, нарушители собираются выкрасть документы, услышав вас, они подойдут к конторе со стороны ручья. Там мы и встретим их.

– Вы так говорите, будто знаете замысел гостей незваных, а они, гости, знают поселок, как свои пять пальцев: где контора, где документы, ради которых, как мы предполагаем, они сюда решили нанести визит.

– Не вам, геологам, сомневаться. Вы же изучаете место, где начинаете разведку, а они что – вслепую пойдут что ли? Знают они. Все знают. И план осмысленный имеют. Вот нам и предстоит поступить так, чтобы они не по своему плану действовали, а по нашей указке, то есть, как нам выгодно. Одно твердо прошу: ни в коем случае не нарушать моего приказа. Что бы ни случилось, своего места не покидать, пока не получите новой команды.

– Понятно, – нестройно ответили геологи и начали расходиться, договариваясь, кто возьмет гитары и кто начнет первым играть.

Со старшим лейтенантом остался рядовой Нечет. Солдат второго года службы. Высокий. Плечистый. Со спокойным скуластым лицом.

– Ну что? Вдвоем мы, Яков, остались? Как кавалеристы говорят: нас мало, но мы со шпорами. Пойдем.

– Так точно. В барбарисе устроимся. Я там, товарищ старший лейтенант, два куста хороших приглядел.

– Верно мыслишь. Перчаток только нет, руки пообдерем.

– Подживут.

– Логично.

Вышли. Постояли на крыльце минуту-вторую. Тихо-тихо. Потом все громче и громче звон комариный. На пир собратьев собирают. Неприятный, раздражающий. От скал, приглушенный расстоянием, донесся глухой стон, а следом раскатистый смех совы. Ярмышев уже много раз, когда допоздна задерживался у Божены, слышал стон и смех совиный, но тогда не казались они ему такими тревожными, сейчас же старшего лейтенанта охватило непонятное беспокойство.

– Пошагали в логово колючее, – вполголоса позвал он Нечета, и они пошагали к густым барбарисовым кустам. Кусты эти совсем близко от конторы. Похожи они на большие приплюснутые шары. Барбарис – хорошее укрытие. И зайцы, и лиса в таких кустах прячутся, птицы гнезда выют. Не сыскать лучшего места для маскировки. Только люди обычно с собой плащи брезентовые да перчатки прихватывают: уж больно остры крючковатые колючки. Шел Ярмышев к зарослям, слышал размеренные шаги солдата, его ровное дыхание, и на душе становилось покойнее.

«Подживут», – мысленно повторил слово Нечета старший лейтенант, когда подошел к облюбованному кусту, и, осторожно раздвигая веточки, полез в его середину. Колючки цеплялись за гимнастерку и брюки, прокалывали их и жалили тело, царапали руки и даже щеки, и все же Ярмышев улегся поудобней, раздвинул веточки впереди, чтобы наблюдению не мешали, и замер.

Сова ухнула тревожно, захохотала, и будто в ответ на этот раскатистый хохот, полились робкие аккорды гитары.

Время шло медленно-медленно. Геологи уже начали повторять песни. И гитары, и голоса звучали все менее стройно. Чувствовалось, по обязанности поют, а не по зову души. Ярмышев досадовал на геологов, думая, что и нарушитель может догадаться, для чего в этот поздний час звучат гитары. Насторожиться, во всяком случае. Но потом решил: будет ли он, нарушитель? Может, зря все эти приготовления? Представил себе, как Кондрашов своим мягким, приятным голосом скажет: «Умозаключение не подтвердилось практикой». И он с досадой подумал о главном инженере: «Ну, тип!»

А что ложного в тех, предполагаемых Ярмышевым словах Кондрашова? И начальник заставы, и сам Ярмышев действительно только выдвигали свои версии. И не одну. Какая же из них окажется верной?

Правда, версии строились не на песке, имели основу. Действия пока что так и разворачивались, как предполагал Антонов, но все может круто измениться, и тогда он, Ярмышев, сам скажет геологам примерно те же слова: версия не подтвердилась, извинится за то, что нарушил

привычный ритм их работы. Если кто-то и пошутит, мол, перестарались, он ответит пограничной шуткой: «Лучше перебдеть, чем недобдеть». Без всякой обиды. Но Кондрашов?.. Так уж бывает в жизни: все, что делает соперник, – все вызывает раздражение, все неприятно.

Тугой волной громыхнул воздух. Гитары, вздрогнув, смолкли. В наступившей тишине Ярмышев отчетливо услышал, как геологи побежали ко второй буровой. Забыли все наказания. Ярмышев и сам готов был кинуться туда, но сдержал себя. А вот мысленно был там, на буровой.

«Неужели просмотрели?! Не может быть. Не может... А Акимов с собакой медленней черепахи!»

Думая так, вслушивался в тишину. Не шевелится ли Нечет? Нет. Тихо. Самому же старшему лейтенанту казалось, что делает он ошибку, оставаясь здесь в то время, когда на буровой сейчас он нужней. То оправдывал свое действие, то вдруг возникало желание отправить Нечета или водителя Кочанова на буровую, но вновь и вновь Ярмышев приказывал, именно – приказывал, себе лежать на месте, потому что в поселке остались лишь они вдвоем.

«Почему выстрелов нет? – возник вдруг недоуменный вопрос. – Что-то не то. Что? Что произошло? Ждать нужно. Ждать!»

Совсем уже не было сил лежать под кустом барбариса, уже последний раз приказал он себе решительно: «Лежи! Не шевелись!» – наступал момент, когда не останется сил удерживать себя под кустом, кинется он к буровой. И в это самое критическое мгновение старший лейтенант услышал легкие шаги. Определил: обувь мягкая.

Силуэт мелькнул в темноте. Вот уже человек вбежал на крыльцо и потянул за ручку дверь. Оглянулся, прислушался, еще раз со всей силы рванул дверь – она не поддалась. Спрыгнул с крыльца – и к окну.

Ярмышев, не обращая внимания на то, что острые колючки впиваются в тело, начал выползать из куста. От нарушителя он не отрывал глаз.

«Крепкий орешек. И рост выше моего. Как Нечет».

Нечет щелкнул прицельной планкой – сигнал подал, что тоже выбирается из куста.

«Сейчас окно разобьет», – прикидывал Ярмышев, выбравшись из своего укрытия и наблюдая из-за куста за действиями нарушителя, выбирая нужный момент для броска. А тот что-то вынул из кармана, стал приклеивать к стеклу.

«Лента. Ишь ты, все предусмотрел».

Нарушитель нажал на стекло, оно едва слышно хрустнуло. Оглянулся. Постоял без движения. Ничего подозрительного. Ухватился за раму, легко подтянул свое тело и стал протискиваться в створку с выбитым стеклом.

Старший лейтенант рывком поднялся и побежал к конторе. Пять, десять шагов. Еще пару, и можно крикнуть, чтобы сдавался. Но нарушитель услышал шаги Ярмышева, сильно оттолкнулся от окна и, едва его ноги коснулись земли, выстрелил. Фуражка слетела с головы старшего лейтенанта, пуля обожгла макушку. Он выстрелил в ответ, но не попал. Нарушитель кинулся в темноту, а перед ним с автоматом Нечет.

– Руки!

Подоспел и старший лейтенант. Обезоружил диверсанта, защелкнул на запястья наручники и только тогда почувствовал Ярмышев, что воротник гимнастерки мокрый и липкий. Понял, кровь. И на висках кровь. И на щеках тоже. И тут только у него сильно закружилась голова. Сказал через силу:

– К крыльцу.

Когда вышли на свет и Нечет увидел, что лицо старшего лейтенанта залито кровью, он крикнул нарушителю, огрев его прикладом:

– Ложись, подлюка!

Тот остановился, вроде бы не понявши, что от него требует пограничник, но Нечет вновь замахнулся прикладом.

– Ложись! Мордой в землю! – и уже старшему лейтенанту: – Я сейчас перевяжу вас...

– Потом, Яков. К Кочанову давай. Пошли на буровую. Что у них там? Вернешься – перебинтуешь.

Ярмышев остался один. Он стоял в паре шагов от нарушителя, который лежал на земле вниз лицом. Ноги Ярмышев расставил широко, но все равно его покачивало. Он чувствовал запах теплой крови, набухший воротник прилип к шее, ему хотелось сесть на крыльцо, но он продолжал стоять, боясь, что если попытается сделать шаг, упадет. А он должен выдержать, дожидаться Нечета. Должен! И старший лейтенант стоял, не спуская глаз с нарушителя и держа наготове пистолет с взведенным курком. Голова кружилась. Ноги подкашивались. Сильно тошнило.

Различив торопливые шаги, подумал обрадованно: «Нечет спешит. Значит, выдержал».

Потом услышал, как заурчал газик. Одобрил: «Верное решение. На машине быстрее. Скрывать, что мы здесь, смысла теперь нет: выстрелы были».

Но вот его слух уловил топот солдатских сапог – бегом приближалось несколько человек.

А Нечет уже рядом. Обхватил за талию и ведет к крыльцу.

– Сейчас перебинтую. Все подживет, товарищ старший лейтенант, до свадьбы.

Нечет приложил к ране бинт – Ярмышев стиснул зубы, чтобы не застонать.

В это время из темноты вынырнула овчарка, за ней – ефрейтор Акимов, следом – Семятин. Собака рванулась к нарушителю, ефрейтор придержал ее, приказав: «Рядом!» – и начал докладывать Ярмышеву:

– Товарищ старший лейтенант...

Ярмышев перебил его вопросом:

– Что там за взрыв был?

– Да это мы. Спустились в долину, гляжу – овчарка моя, умница, поворотила уши, забеспокоилась. Отстегнул поводок, она и прихватила нарушителя. Спрашиваю его, где остальные, отвечает, что никого не знает, никого не ведает. Случайно, мол, перешел на нашу сторону. Сбился, дескать, в пути в горах незнакомых. Развязали рюкзак, глядим, в нем – взрывчатка. Спрашиваю, куда направлялся с взрывчаткой, вроде в рот воды набрал. Буровую, говорю, взрывать? Ни слова в ответ. Ну что же, говорю, молчи-молчи, тебе же хуже. А потом Семятину умышленно предлагаю, чтобы, значит, не нести такую тяжесть, подорвем ее прямо здесь. Диверсант сразу же себя выдал. Вещественного доказательства, говорит, у вас не останется. Охотник я – и все тут. Тут мы и поняли, что напарники его, один или два, начнут активно действовать по их плану только после взрыва. И именно на буровой. Вот и рванули. А задержанного на второй буровой оставили., к вам спеша. Кочанов за ним поехал.

– Молодцы! – похвалил Ярмышев. – Уж куда, как молодцы.

Вскоре вернулся газик. Кочанов выпрыгнул из машины и кинулся к старшему лейтенанту. Встревоженное лицо.

– Сильно?!

– Нечет обещал, что подживет до свадьбы, – ответил, даже улыбнувшись, Ярмышев, и после небольшой паузы приказал Акимову: – Отбой дай. Доложи на заставу. Обождем геологов. Поблагодарю их – и домой.

6

Ярмышев проснулся, отбросил привычно одеяло, чтобы, как всегда, сразу встать и, нагнувшись, извлечь из-под кровати гантели; он даже приподнял голову, но сразу же опустил ее на подушку: затылок словно сдавило тисками, и боль пронзила все тело. Он вспомнил все: и выстрел, и заботливость бойцов-товарищей, и испуганное лицо Кондрашова, увидевшего кровь на бинтах, его холодную вздрагивающую руку, поданную на прощание, и мягкий голос:

«Не умозаключение, а научный вывод на основе анализа обстоятельства руководил вашими действиями. Да-да! Именно – научный. Не улыбайтесь. И как вы можете, вам же больно». И дорогу вспомнил, на сей раз непривычно ухабистую, и хирурга совхозной больницы, который наложил швы, сказав, как и Нечет, что до свадьбы заживет, вспомнил встревоженное лицо Тамары Васильевны, которая торопливо вошла в его комнату, когда услышала разговор солдат; она помогла уложить его в постель, спрашивая беспрестанно: «Больно?! Больно?!» – потом поспешно вышла, быстро вернувшись с термосом и плиткой шоколада, налила горячего, круто заваренного чая.

– Попей и подкрепись. Сейчас для тебя это – главное.

Вспоминая все это, Ярмышев неподвижно лежал в постели и прислушивался к боли в голове. Боль постепенно утихомиривалась. Захотелось пить.

«Встать, наверное, нужно. Да, встать».

Он осторожно, стараясь не делать резких движений, поднялся и сел на кровати.

«Теперь в столовую завтракать идти. Надо. Сейчас вот пойду. Боль только утихомирится».

Ярмышев услышал шаги в коридоре, стук в дверь, хотел сказать: «Входите», – но не успел. Дверь отворилась, и в комнату вошел майор Антонов. Фуражка, гимнастерка, брюки словно выстираны в белой камышовой пыли. Серебрилась она и на белесых бровях, и на щетине небритого подбородка, а на щеках – грязно-белые потеки от стекавшего с висков пота, смешанного с камышовой пылью.

– Что вскочил? Давай, гвардеец, ложись. Давай-давай. Не чапайся. Уж не на заставу ли намылился?

Голос нестрогий, радостный. В глазах тоже радость. Помог своему заму лечь, поправив подушку и заботливо укрыв одеялом, затем взял стул и сел у изголовья.

– Прямо из камышей к тебе. Взяли последнего. Чабанов поднять пришлось. Дорофей Александрович хорошо помог. Вот кто знает камыши отлично! Пройдусь я как-нибудь, в самое ближайшее время, по старому руслу. Чтобы каждый уголок посмотреть. Потом еще вместе пройдем. Вернешься вот из госпиталя.

– Не поеду я никуда. Работы столько. Особенно, с молодыми.

– Думаешь, без тебя свет клином?..

– Не поеду, товарищ майор! Решен вопрос.

Антонов пожал плечами. Он понял, что по двум причинам не хочет ехать в госпиталь Ярмышев. О первой сказал четко: считает, что с такой пустяковой раной не имеет права покидать заставу. О второй – Божене, умолчал. Замечал Антонов, что в последнее время возвращался Ярмышев от геологов хмурый, да и вообще стал более замкнутым, хотя все свои обязанности выполнял, как и прежде, аккуратно и с душой. Видно, что-то нарушилось у него во взаимоотношениях с Боженой, однако ничего майор не спрашивал, ждал, пока Ярмышев сам все расскажет. Но старший лейтенант помалкивал. Даже сейчас, когда можно было бы откровенно объяснить свой отказ от госпитализации веской причиной: опасается надолго расстаться с Боженой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.